

ЮЛИЯ ДИППЕЛЬ

БЕЛМАЛ

ВОЙНА БОГОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ КУЛЬТОВОГО ЦИКЛА
«ИЗАРА»

Изара

Юлия Диппель

Белиал: Война богов

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Диппель Ю.

Белиал: Война богов / Ю. Диппель — «Эксмо», 2021 — (Изара)

ISBN 978-5-04-159897-6

Смертная уничтожит праймуса и освободит души, если раньше не потеряет свою. Рим, 64 год нашей эры. Молодая прислужница храма Кассия знает, кто виновен в смерти ее друзей. Когда девушке, невосприимчивой к демоническим силам, предоставляется возможность бросить вызов своему противнику – великому Янусу, она без раздумий соглашается. Ей необходимо в качестве рабыни проникнуть в его личные покои и украсть один из сосудов, в котором он хранит души. Но все замыслы рушатся, когда появляется Белиал – подающий надежды дьявол с неотразимой улыбкой и главный соперник Януса. Кассия еще не подозревает, что ей предстоит оказаться в центре самой опасной битвы. Битвы за ее душу.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-159897-6

© Диппель Ю., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие автора	6
Кассия	7
Белиал	15
Кассия	22
Белиал	27
Кассия	35
Белиал	42
Кассия	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юлия Диппель
Белиал
Война богов

Julia Dippel

Belial: Götterkrieg – aus den Chroniken von Izara

© 2021 by Planet! in Thienemann-Esslinger Verlag GmbH, Stuttgart

By Julia Dippel (author)

Серия «Young Adult. Изара»

© Офицерова И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Всем, кто не боится ни смерти, ни дьявола.

Предисловие автора

Несмотря на обширные познания в латинском языке, основательные исследования и все мои старания соблюдать историческую достоверность, нельзя исключить, что я допустила незначительные ошибки, описывая Древний Рим. Возможно, эксперты найдут у меня некоторые неточности. С другой стороны, сюжет моей истории – это намеренное смешение преданий и вымышленных событий об исторических и несуществующих личностях. Следовательно, настоятельно не рекомендуется использовать книгу «Белиал – война богов» в качестве научного источника. Кроме того, она непригодна в пищу, ее нельзя гладить или разогревать в микроволновой печи.

Кассия

Когда смерть стучится в двери

Пыль танцевала в лучах солнца, льющихся сквозь маленькое окно. Кровать, стол, стул... больше ничего. У меня сжалось горло. Пожитки Дафны уже убрали, и тем не менее воспоминание о молодой жрице до сих пор витало в этих четырех стенах.

– Поздравляю! – Лорентин беззаботно хлопнул меня по плечу. – До полудня подними свои вещи сюда, тогда мы наконец снова сможем использовать комнату в подвале как кладовую.

Я сжала ладони в кулаки. Чуткостью молодой ведьмак никогда не отличался, но сейчас вел себя так, словно смерть Дафны была удачей для всех. Разве он не видел, как меня это беспокоило?

Нет, мысленно вздохнула я. Конечно, не видел. Лорентин не первый, кто обломал зубы о мою замкнутость, и последним тоже не станет. Я не особенно любила делиться своими чувствами с миром – к тому же бесчисленное множество демонов снаружи просто жаждали украсть их у меня.

– Вы знали, что произойдет, и все равно отправили ее к этому монстру...

Мои слова прозвучали слишком буднично, чтобы можно было различить кроющийся за ними упрек.

Лорентин пожал плечами.

– Боги всегда получают то, что хотят.

– Боги? – фыркнула я. – Почему бы нам не называть их настоящими именами? Они праймусы – демоны, которые похищают наши эмоции и питаются нашими душами. Что дает им такое право? Их сила? Их бессмертие?

Лорентин встревоженно оглянулся на открытую дверь.

– Будь осторожнее, – предостерег меня он. – Все же храм одной из этих *демониц* ты называешь своим домом.

Похоже, он ожидал от меня благодарности, но я ничего не могла с этим поделать. Да, после смерти моей матери верховная жрица подобрала меня на улице. Она дала мне еду, одежду и крышу над головой. Но это еще не делало это место моим домом. Потому что мне

прекрасно известно, что человеколюбие во всем этом играло второстепенную роль. Я нужна верховной жрице. Поэтому она поселила меня в комнату Дафны, хотя на самом деле подобные помещения отводились лишь жрицам, а не простым прислужницам.

– Я не боюсь говорить правду, – заявила я. – А что может произойти? Появится твоя *богиня* и покарает меня? Так пускай! У меня к ней много вопросов. Например, почему ей наплевать на то, что семь ее жриц погибли жестокой смертью.

Мой тон, который становился все резче, должно быть, попал в яблочко. Симпатичный ведьмак начал терзать пояс своей туники.

– Боги тоже обязаны нести свое бремя, – уклончиво ответил он, после чего вздохнул и пристально посмотрел на меня глазами цвета корицы. – Существуют вещи, которые мы можем изменить, и вещи, которые мы должны принять. И Дафна тоже это знала. – Внезапно он подтолкнул меня к кровати и заставил сесть. – Сосредоточься на том, что ты можешь изменить, – продолжил Лорентин, отклоняя меня дальше назад, пока голова не коснулась подушки. Его вытянутый указательный палец показал на потолок. – Дафна делала то же самое.

Лишь краем сознания я поняла, что он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, так как моего внимания потребовало кое-что другое: кто-то мелом написал на потолке фразу. Буквы уже потускнели, однако с некоторым трудом мне все-таки удалось их прочесть.

NE OBLITA SIS,
QUOMODO PRO QUAMDIU.

Несмотря на летнюю погоду, по спине пробежал холодок. Как будто Дафна отправила мне послание из подземного мира. Пролетело несколько мгновений трепетной тишины, прежде чем я сообразила, что это предложение предназначалось не мне. Никто не мог предугадать, что именно меня переселят в эту комнату. Дафна наверняка написала эти слова себе – там, где видела их каждый день, просыпаясь и засыпая.

*Не забывай, что «как»
важнее, чем «как долго».*

Я улыбнулась. Очевидно, моя подруга нашла собственный способ смириться со своей смертностью.

Моя подруга...

По сути, я недостаточно хорошо знала Дафну, чтобы так ее называть. И все же она стала для меня тем, кто максимально близок к другу. Ее не отпугивала моя неприступность, она всегда хорошо ко мне относилась, хотя я – как все остальные в этом храме – не обладала колдовским даром.

Приподнявшись с подушек, я пыталась справиться с неутрачиваемым гневом, который царапал мои стены изнутри. В основном с помощью этой ментальной преграды я защищала свои чувства от других, но порой – как сейчас – и сама защищалась от собственных чувств. Без нее я ощущала себя голой, без нее уже давно бы отчаялась из-за такой вопиющей несправедливости.

Почему Дафне пришлось умереть? Почему она приняла то приглашение, а просто не сбежала? Из-за верности? Чувства долга? Убеждения? Как бы часто и долго я об этом ни рассуждала, у меня не получалось понять. Мысли носились по кругу, разжигали мою злость и вновь возвращались в изначальную точку: демоны, праймусы, боги, пусть называют себя как угодно – они виноваты во всем, что пошло не так в моей жизни.

Я определенно не относилась к воинствующим противникам праймусов. У каждой формы существования есть право на жизнь. Мне только жутко действовало на нервы, что эти бессмертные считали, что им позволено править всем.

Вдруг из раздумий меня вырвало пронзительное жужжание. Облако зеленых искр влетело в окно и атаковало меня. С шипением магия рассыпалась по моей коже. Это оказалось не

больнее, чем парочка укусов насекомых, и тем не менее я выругалась и вскочила. Я забыла о времени и давно должна была находиться в храме. В панике выбежав из комнаты, я бросилась вниз по лестнице, а потом наружу, в сады. За святилищем заходящее солнце создавало на небосводе невероятную игру света. Как это часто бывало, у меня возникло желание остановиться и полюбоваться закатом, но нужно выполнять свою работу. Работу, к которой я – невзирая на все, что произошло, – относилась очень серьезно. Во-первых, я ни в коем случае не хотела, чтобы меня обвинили в недобросовестности. Моя гордость такого не переживет. А во-вторых, во мне достаточно практичности, чтобы лишний раз не ставить под угрозу свое место в храме. Улицы Рима не особенно милосердны к одиноким молодым девушкам. И без того сродни чуду, что в прошлом мне каким-то образом удалось выжить, не занимаясь проституцией за еду.

На губах у меня появилась кривоватая ухмылка. Судьба доказала, что действительно обладает чувством юмора, когда привела меня именно сюда. Храм Венеры, может, и не являлся публичным домом в прямом смысле, однако ремесло, строго говоря, оставалось тем же: за соответствующее подношение разрешалось почитать богиню любви вместе со жрецами и жрицами.

Добравшись до маленькой боковой двери храма, я поспешно сдвинула засов и погрузилась в хорошо знакомый поток ощущений: темнота, масляные лампы, сажа, ладан и нежная мелодия лиры. После того как глаза привыкли к тусклому свету, я еле сдержала ругательство. Ворота уже распахнули и впустили посетителей. Обычно к этому моменту мне нечего было делать здесь, внизу. Так незаметно, как только могла, я скользнула вдоль стены к другой стене главного зала. Уже через несколько шагов меня охватили легкий дурман и эйфория. Проклятье! Это магия верховной жрицы. Каждый вечер седовласая Лукуста при помощи своих заклинаний заботилась о хорошем настроении пришедших в храм. Исключение составляли прислужницы и жрицы, так как все они сами были ведьмами – все, кроме меня. Теперь мне ничего не оставалось, кроме как аккуратно красться по лабиринту из колонн и занавесов, стараясь не наткнуться на пары, которые уже нашли друг друга или которым это лишь предстояло. Моя цель – позолоченная статуя дельфина. За ней находилась лестница, ведущая под огромную куполообразную крышу. Я торопливо взобралась по ней и с облегчением обнаружила, что с каждой ступенькой сознание понемногу прояснялось. Наверху колдовство Лукусты не действовало. Осторожно балансируя на узкой галерее, я обошла парочку скульптур и попала наконец на свое рабочее место – в неприметную нишу возле мраморного пальца правой ноги Амура. Отсюда открывался полный обзор на большой зал и всех посетителей, желающих купить немного любви.

Сегодня ими оказались несколько преторианцев¹, парочка торговцев, ремесленников и как минимум пять лиц, которых я еще никогда раньше не видела. Ничего необычного, если учесть, что храм располагался на весьма оживленной улице на окраине города. Тем не менее я контролировала всех входящих на наличие демонических признаков. Собственно говоря, для этого я и понадобилась Лукусте. Как одна из самых могущественных ведьм Рима, она могла тягаться с демонами. Умела даже изгонять их из храма или из телесных оболочек, однако ее разум был уязвим перед внушением и иллюзиями, которыми праймусы веками обманывали человечество. Зато мой не был. Я видела вещи такими, какие они есть, а не такими, какими хотели представить их демоны. Эти способности делали меня особенной и превращали в идеального сторожевого пса для Лукусты.

И меня это вроде бы устраивало, поскольку ни для чего другого я свой сомнительный талант все равно использовать не могла. Люди не верили мне, когда я предупреждала их о ложных богах, которым они поклонялись. А те самые ложные боги становились довольно мерз-

¹ Преторианцы – личная гвардия императоров Римской империи. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

кими, если расстроить их планы. Урок, который едва не стоил мне жизни – потому что для защиты мой дар не годился.

Я взбила себе подушку, которую тайком притащила сюда пару недель назад, и поджала под себя скрещенные ноги. Мне нравилось своим присутствием делать храм чуть более безопасным, пускай этот культ и оставался для меня загадкой. На месте Лукусты и с ее силами я бы выступила против демонов. Я бы не называла их богами и не возводила бы в честь них храмы. И уж тем более не завещала бы одному из них свою душу. Что жрицы получали от подобного самопожертвования? Что получила от него Дафна? Если «как» важнее, чем «как долго», то почему эти ведьмы шли по пути наименьшего сопротивления и безропотно склонялись перед демонами? Зачем Лукуста снова и снова отправляла своих девушек без защиты на пиршества за пределами храма? Особенно в императорский дворец. Хотя знала, кто там живет. Может, граждане и боялись императора Нерона, но те, кому была известна правда, опасались демона рядом с ним – Януса.

О, как же я привыкла ненавидеть это имя – имя, которое всплывало всякий раз, когда смерть точила когти. Этот демон угнездился в Риме как паразит. У него имелось столько лиц, что его влияние простиралось от самой захудалой таверны до сената, и вряд ли кто-нибудь из римлян знал, как он выглядит. Его почитали как бога начала и конца, но люди понятия не имели, какому кровожадному монстру поклонялись.

Внезапно в большом зале подо мной что-то изменилось. Приглушенный ропот. Возмущение. Какой-то мужчина поднялся по ступенькам к центру святилища. Туда не разрешалось заходить никому, кроме верховной жрицы. Целеустремленно, но совершенно неторопливо он направился к Лукусте. Мои инстинкты забили тревогу. Мало кто из смертных двигался с такой самоуверенностью – зато так делали все праймусы. Я схватилась за маленькое зубило, которое хранилось здесь на случай крайней необходимости. Если тот тип действительно демон и проявит хоть малейший признак злого умысла, я завершу печать на стене у меня за спиной и изгоню его – как показывала мне Лукуста.

Черный плащ мужчины развевался в такт его шагов. На нем не было ни доспехов, ни оружия. Борода аккуратно пострижена, а каштановые волосы собраны на затылке. Это не соответствовало римской моде, однако мужчину, похоже, ничуть не волновало. Лукуста шагнула ему навстречу. Я не слышала, о чем они разговаривали, но верховная жрица казалась крайне недовольной. Все мои органы чувств напряглись до предела. Что-то подсказывало мне, что этот незнакомец олицетворял проблемы. Может быть, он всего лишь ведьмак, на которого не действовала магия Лукусты... а может, и гораздо больше. В любом случае в его внешнем виде крылось что-то роковое. А его золотисто-карие глаза... вдруг посмотрели прямо на меня.

Я застыла. Это невозможно. Никто не знал, что я сидела наверху. Верховная жрица лично наложила на это место чары маскировки.

Губы мужчины зашевелились. Лукуста ответила покачиванием головой и подозвала двух жриц. Девушки пытались пробудить интерес чужака, но он проигнорировал их и вытянул руку в мою сторону. Сердце у меня заколотилось быстрее. Сильнее сжав зубило, я ждала приказа Лукусты. Или того, что этот странный тип окажется демоном. Чего-нибудь...

Верховная жрица разозлилась. Вокруг ее ладоней собиралось зеленое пламя. К этому моменту любой нормальный человек уже бросился бы бежать – но только не незнакомец с золотыми глазами. Он не выглядел шокированным и не отпрянул. Два вдоха. Три вдоха. Затем он что-то произнес. Одно слово. Одно-единственное слово, но Лукуста так резко побледнела, словно столкнулась лицом к лицу с самой смертью. Ее ведьминский огонь погас.

ЧТО там творилось?

Она медленно повернулась ко мне. Уверенные черты ее лица внезапно исказились, делая ее похожей на хрупкую старушку. Взмахнув рукой, она поманила меня к себе.

Нет! Нет, нет, нет. Лукуста обещала! Она обещала мне, что никогда не будет принуждать меня к чему-то против моей воли. Этот мужчина наверняка демон, который манипулировал ее сознанием. Но почему тогда я этого не заметила? Мои способности перестали работать?

Есть лишь одна возможность это выяснить. Я развернулась к печати на стене и приложила к ней зубило.

– На твоём месте я бы этого не делал.

Я так испугалась, что чуть не сорвалась со своей ниши в глубину зала. Рядом со мной в галерее кто-то стоял. Мужчина с темными вьющимися волосами и зелеными глазами. Его фигура была полупрозрачной, а контуры расплывались. Однозначно демон, наложивший на себя иллюзию. У меня путались мысли. О побеге и думать нечего, так как он преграждал путь к лестнице. Не говоря уже о том, что он поймал бы меня в два счета. Печать! Не хватало всего лишь одного крошечного символа. Я подняла руку, однако еще до того, как металл зубила коснулся стены, меня схватили. Затем я ощутила, как в разум вторглась сила, которая пахла дождем, солнцем и бушующим морем. Она велела мне спать. Безрезультатно. Мое сознание отличалось неуязвимостью к такого рода атакам. Воспользовавшись эффектом неожиданности, я стала драться, царапаться и пинаться, чтобы вырваться из его хватки. Знала, что у меня нет ни единого шанса, но мне и нужно-то продержаться только до тех пор, пока Лукуста не придет на помощь. До меня донеслась ругань демона. Одна рука обвилась вокруг моей шеи, перекрывая воздух. Держаться! Я ждала, что вот-вот меня освободит зеленое пламя. Взгляд начала заволакивать тьма. Перед глазами все поплыло. Последним, что я увидела, была Лукуста, молча наблюдающая за тем, как я теряю сознание.

Долго пролежать в беспомощности я не могла. Поняла это, даже не открывая глаз. До сих пор витал запах ладана и звучала музыка – просто они стали слабее. В сочетании с мягкими подушками, которые я чувствовала под своим лицом, вероятнее всего, это означало, что я очутилась в одной из многочисленных комнат для любви, расположенных по продольным сторонам большого зала. Во мне вспыхнула дикая паника. Подавив ее усилием воли, я уплотнила стены вокруг своего разума. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы моя защита начала рушиться.

– А ты действительно хороша в том, чтобы скрывать свои эмоции, – произнес незнакомый мужской голос.

Ну, здорово, очевидно, демон заметил, что я очнулась. Несколько раз моргнув, я притворилась оглушенной. Чем сильнее они будут недооценивать меня и мое состояние, тем больше у меня шансов выбраться отсюда. Сквозь ресницы я увидела темную фигуру, сидящую на стуле. Откинувшись на спинку. Расслабленно. Поджидая. Златоглазый демон. Издалека я еще сомневалась в его сущности, однако сейчас любые сомнения исчезли. Его всего окружала едва уловимая вибрирующая аура, подобные которой мне прежде не встречались. Это создание было древним и могущественным – и одним своим появлением перевернуло мою жизнь с ног на голову. Не представляю, что случится, если я в срочном порядке отсюда не сбегу. Не только из этой комнаты, но и из храма. Лукуста меня предала. Ей больше нельзя доверять.

– Я просто хочу с тобой поговорить, – продолжил демон.

Конечно! Так же как Янус просто хотел поговорить с Дафной. Я незаметно осмотрелась. Пять шагов до двери. Не лучший путь к побегу, тем более что проходил он мимо демона. Тогда осталось лишь окно позади меня. Если повезет, оттуда можно будет перелезть в сад. Что ж, ладно. Со скоростью улитки я села. Отвлекая внимание, взялась рукой за голову и изобразила, что меня повело в сторону из-за головокружения. Тихий стон. А затем, когда мои ноги коснулись пола, я вскочила и... словно приросла к месту.

Демон с темными кудрями самоуверенно ухмылялся мне, облокотившись на подоконник. Я чуть не выругалась из-за собственной глупости. Их же двое. Как я могла забыть?!

– Сядь! – почти дружелюбно приказал кудрявый праймус. Он выглядел моложе, чем его бородатый товарищ, хотя в случае с демонами, которые свободно выбирали себе оболочку, это еще ничего не значило. – Как уже сказал Танатос, мы просто хотим поговорить.

Танатос?!

Ох, проклятье.

Бог-Смерти-Танатос?! С открытым ртом я обернулась к златоглазому демону. Я и правда вляпалась. Причем не немножко, а по-настоящему!

Видимо, не заметить мой ужас оказалось невозможно, поскольку Танатос самодовольно улыбнулся. Я тут же вернула себе контроль над мимикой. Именно поэтому я привыкла сохранять невозмутимое выражение лица. Мои мысли и чувства – единственное, что полностью принадлежало мне, над чем я имела власть. И пусть все так и остается.

– Что ты сделал с Лукустой? – выдавила я из себя. Теперь, зная, кто потребовал меня к себе, я забеспокоилась. Бог смерти не отличался снисходительностью.

– С твоей верховной жрицей все в порядке, – прозвучал короткий ответ, прежде чем прокровительственным жестом он предложил мне сесть обратно на кровать.

Я осталась стоять и посмотрела на него со всем презрением, которое только смогла в себе найти.

– Лукуста сама так считает, или вы внушили ей эту мысль?

Взгляд, которым он наградил меня на этот раз, пробирал до костей. Ему несколько сотен лет, может, даже несколько тысяч, и крошечное в нем предупреждение заставило меня понять, что Танатос носил свой титул не из тщеславия.

– Я дал слово верховной жрице, что мы не причиним тебе вреда, – ледяным тоном сообщил он мне. – А теперь сядь!

Пару мгновений я взвешивала мысль не обращать внимания на его повеление. С приказами у меня проблема. С другой стороны... а какой оставался выбор? Проглотив свое упрямство, я опустилась на край кровати.

– Хочешь поговорить? Ну так говори!

Такое послушание, похоже, удовлетворило жуткого бога смерти, по крайней мере настолько, что он проигнорировал мой язвительный тон. Откинувшись назад, праймус рассматривал меня своими золотыми глазами.

– Тебе известно, кто я?

– Твоя слава тебя опережает, – откликнулась я, пожав плечами. Фактически любой в Риме знал имя Танатоса – хотя ужасные истории о нем на самом деле пришли из Греции. Судя по всему, даже сами боги боялись его гнева. – Проблема лишь в том, что реальность, стоящая за мифами, часто разочаровывает. Вполне вероятно, что ты просто очередной демон с комплексом бога, купающийся в свете своих убийств.

Еще не закончив фразу, я задалась вопросом, так ли мудро было говорить настолько прямолинейно. Если он действительно гарантировал Лукусте мою безопасность, то сдержит слово. А если же нет... ну, тогда хотя бы умру с высоко поднятой головой и с правдой на устах.

У меня за спиной раздался тихий смех. Кажется, я знатно повеселила кудрявого праймуса у окна. На лице Танатоса тоже расплылась зловещая улыбка.

– Мы брахионы, – спокойно продолжил он. – Знаешь, кто это такие?

Я покачала головой. Очень хотелось лягнуть какую-нибудь колкость, но странное поведение их обоих чересчур меня тревожило. Обычно демоны были опасны, однако предсказуемы в своем высокомерии. Обычно...

– Брахионы охотятся за теми праймусами, которые нарушают наши законы, – просветил меня Танатос. – А если Верховный Совет выносит смертный приговор, мы приводим его в исполнение.

Я нахмурилась. Это бы объяснило его репутацию, но...

– Никто не может убить демонов.

– Мы можем. – В его золотистых глазах блеснуло что-то, от чего все мои инстинкты насторожились. Я ему поверила. И это вселяло больше страха, чем любая ложь.

– Уверен, ты спрашиваешь себя, как все это связано с тобой.

– Возникал такой вопрос, – пробормотала я.

Бог смерти прищурился:

– Ты слышала когда-нибудь о праймусе по имени Янус?

Я почувствовала отвращение. Ладони чуть не вцепились в обивку, а с языка готов был сорваться десяток ругательств – однако я подавила этот порыв и сидела все так же неподвижно. Вероятно, слишком неподвижно для опытного наблюдателя...

Танатос задумчиво кивнул.

– Вижу, ты его знаешь. – Больше не обращая на меня внимания, Танатос соединил кончики пальцев и деловито заговорил: – Янус любит собирать души. Он предпочитает те, которые уже обещаны другим праймусам. Ты, конечно, можешь себе вообразить, насколько это злит многих из нас.

– А то, что при этом убивают невинных людей, наверняка отходит на второй план? – не сдержалась я.

– Нет, не отходит, так как это тоже противоречит нашим законам, – поправил меня Танатос. – Но Янус обладает особым талантом не оставлять доказательств своих преступлений.

– Семь мертвых жриц – недостаточное доказательство?

– Ни их трупы, ни души так и не нашли, – вмешался демон возле окна. – Чтобы свергнуть такого сильного и почитаемого праймуса, как Янус, нужно нечто больше чем пустое обвинение.

Сидящий на стуле Танатос наклонился вперед и пристально посмотрел на меня.

– Поверь мне, мы с Люцианом с удовольствием его сожжем, но для этого нам потребуется твоя помощь.

Я широко распахнула глаза:

– Моя помощь?!

– В его палатах есть комната, куда имеет доступ лишь Янус. Там он держит похищенные души, которые станут достаточным доказательством, чтобы его осудить. Вот только ни один праймус, ведьма или человек не способны разрушить защитные чары.

Постепенно я начинала понимать, к чему он подводил разговор. Они не могли самостоятельно достать свои улики, поэтому нуждались в ком-то вроде меня. В ком-то, кто невосприимчив к демоническим силам.

– Вы хотите, чтобы я проникла в императорский дворец?

– Никто не проникает в императорский дворец незамеченным, – насмешливо исправил меня Танатос. – Нет, мы продадим тебя Янусу как рабыню, чтобы ты имела доступ в его личные покои. Потом ты украдешь один из сосудов, где он хранит души, и принесешь нам. Остальное сделаем мы.

Я пару раз моргнула, прежде чем до меня полностью дошел смысл его слов.

– Вы собираетесь продать меня Янусу как рабыню?!

Эти двое либо совсем бессовестные, либо абсолютно сумасшедшие. Больше мыслей относительно их плана у меня не было. В течение многих лет, невзирая на отчаяние и лишения, я старалась не попасть в рабство, а сейчас два демона хотели уговорить меня добровольно наплевать на все эти усилия?

– Как только мы схватим Януса, ты, само собой, получишь назад свою свободу, – попробовал успокоить меня кудрявый демон, которого, видимо, звали Люциан.

– То есть *если* вы говорите правду и *если* я переживу это смертельное задание.

– Оно действительно опасно, – признал Танатос с равнодушием, которое могло исходить только от бессмертного. Внезапно он встал. Его устрашающая фигура заполнила помещение призрачными тенями. – Мы даем тебе один день на раздумья.

– А если я откажусь? – поспешно спросила я, пока он не дошел до двери.

Танатос остановился, однако оборачиваться больше не стал.

– Тогда будешь жить, зная, что кровь невинных запятнала и твои руки тоже.

На этом бог смерти поставил точку в нашем разговоре и покинул комнату. Я ошарашенно помотала головой, и вдруг в поле моего зрения шагнул Люциан. По сравнению с Танатосом он внушал гораздо меньше страха, хотя его тоже окружала аура опасности и власти. Кроме того, надо признать, что он довольно привлекателен, когда не нападает на меня. Плавным движением праймус присел передо мной и отбросил рукой темные волосы со лба.

– Некоторые вещи стоят того, чтобы рискнуть ради них жизнью, – сказал он, глядя так искренне, что у меня зануло в животе. Как хотелось бы не доверять ему или обвинить во лжи, но он был прав. Осознание этого невероятно меня испугало.

Люциан взял меня за руку и улыбнулся:

– Не думай о том, хватит ли у тебя храбрости выступить против Януса. Думай, сумеешь ли вынести раскаяние в том, что этого не сделала.

И неожиданно я поняла. Неожиданно я поняла, что на самом деле означало послание Дафны.

Что «как» важнее, чем «как долго»...

Белиал

Все дороги ведут в...

Я ненавижу Рим. Не потому, что он тесный, шумный и буквально лопался от высокомерия, так что даже я здесь не особенно выделялся. Нет, я ненавижу его, потому что в нем просто не оставалось места трудностям. Город наводняли эмоции. Едва я переступил порог портала, как моя сила наполнилась до предела. Восхищение, зависть, ненависть, алчность – всего понемногу и без малейших усилий с моей стороны. Это как запереть волка в коровнике.

Естественно, я не настолько наивен, чтобы решить, будто моя репутация имела к этому какое-то отношение. Я слишком давно не бывал в столице империи, а смертные быстро забывают. Подобное внимание ко мне привлекала скорее моя нынешняя оболочка. Раньше она принадлежала сыну вождя викингов. Соответственно, почти все римляне доставали мне максимум до носа, в то время как мои светлые волосы среди всех этих южан горели как факел в ночи. Еще больше взглядов я мог бы приковать к себе, разве что станцевал голышом на улице.

У меня на лице появилась еле заметная ухмылка. При других обстоятельствах я бы даже подумал насчет танца, просто чтобы вызвать немного возмущения у надменных римлян. Тем не менее в данный момент позволить себе такие развлечения я не мог.

– Пять денариев и ни сестерцием больше, – рявкнула Гримхильда и скрестила руки на пышной груди. Праймус, сквозь нелегальный портал которого мы попали в Рим, отреагировал абсолютным недоумением. Очевидно, не каждый день его так отчитывали – тем более маленькая смертная в мужском одеянии.

– Или бери это, или ничего не получишь! – командный тон Гримхильды сделал бы честь любому центуриону². Неудивительно, если учесть, что эта приземистая германка возглавляла свое племя в войне против римлян и все потеряла. В том числе своих детей.

Честно говоря, бывали моменты, когда даже я не решался с ней связываться – и это при том, что она поклялась мне в верности и носила мою метку сзади на шее.

² Центурион – воинское звание командира формирования (центурии) в римской армии.

Праймус с разинутым ртом уставился на рыжеволосую фурию. Затем, помедлив, забрал пять серебряных монет и исчез в трактире, служившем прикрытием для его портала. Выругавшись, Грим догнала меня.

– Разве это не самый идиотский и сумасшедший замысел из всех, на которые я подписывалась!

– Сомневаюсь, – возразил я и вышел из людных аркадных галерей на еще оживленную улицу. На самом деле мне на ум сразу пришло несколько куда более рискованных и необдуманных предприятий, чем визит к Янусу. – Кроме того, это же ты советовала мне заявиться сюда.

– Я не говорила тебе смиренно выражать почтение давнему сопернику. Я имела в виду что-то с ббльшим количеством насилия, крови и разрушений.

– Ничего смиренного в моем почтении не будет, – сообщил я ей. Мое терпение – добродетель... особенно потому, что наибольшее удовольствие получаешь от возмездия, когда противник его не ожидает. Ради этого я бы даже потерпел определенные унижения – если потребуется, то и на протяжении всего лета.

Грим хмыкнула:

– Хочется верить. В конце концов, я не для того день и ночь тружусь над твоей репутацией, чтобы этот мелкий подонок все уничтожил. Если не вернешь Мальту... эй ты, тупица, раскрой глаза, будь добр! – она показала врезавшемуся в нее торговцу недвусмысленный жест. Мужчина густо покраснел от злости и, похоже, не собирался оставлять оскорбление безнаказанным.

Со вздохом я потянулся к его сознанию:

«Забудь про эту маленькую разъяренную женщину!»

Торговец ошарашенно сдвинул брови над переносицей, после чего развернулся и ушел своей дорогой. Хороший знак. Я схватил Грим за руку и подтолкнул дальше по улице.

– Будет лучше, если ты немного попридержишь свой темперамент в присутствии Януса, – предупредил я ее. И на всякий случай еще раз перепроверил защитный барьер, которым скрывал наш разговор от нежелательных ушей. – Мы не можем допустить, чтобы возникли какие-нибудь сложности.

– Это ты *мне* говоришь?! – она вырвалась. – Из-за твоего темперамента мы в принципе влипли в это дерьмо! Ты осрамил Януса перед всей Лигой.

– Потому что он меркантильный интриган, который в течение всей своей жизни нарушает наши законы, и ему это сходит с рук.

– С каких пор ты стал волноваться о соблюдении законов? – пробурчала Грим. – Тебя просто бесит, что Янус занял место в Совете, от которого ты до этого отказался.

В точку. Потому что так и есть. К сожалению, Грим обладала поразительной наблюдательностью, а вдобавок к этому и смелостью высказывать мне в лицо все, что у нее на уме. Два качества, сочетание которых уже неоднократно доводило меня до белого каления. Не будь она самой сильной колдуньей среди моих отмеченных, я бы дважды подумал, брать ли ее с собой в Рим. Не потому, что время от времени я не ценил ее прямоту, а потому, что конкретно сейчас нервы у меня и так натянуты до предела.

– Политика мне не идет, – пренебрежительно заявил я, надеясь, что Грим расслышит скрытое предостережение в моем голосе. Я не в настроении для ее претензий. Тем более мы уже почти дошли до площади перед цирком и скоро окажемся в зоне видимости императорского дворца. Пора сосредоточиться на других вещах.

Внезапно маленькая германка свернула, с легкостью обогнула тележку, в которую был запряжен осел, и оказалась передо мной, при этом продолжая идти спиной вперед, – чтобы я больше не смог увернуться от ее строгого взгляда.

– Зависть тебе тоже не идет!

Я угрожающе прищурился.

– Тебе известно, что меня совершенно не волнует чужое тщеславное продвижение по служебной лестнице, пока мне не начинают ставить палки в колеса.

– А не ты ли первым поставил палку в колесо Януса, когда выгнал его из Египта?

– Да прошла уже целая вечность! – прорычал я. – За это он сорвал мою сделку с персидским шахом.

– А что насчет Японии? – не сдавалась Гримхильда. – Когда ты утопил вторые частички его порталов-призм в океане?

Ради Отечества и Древнейших! Нельзя было ни в коем случае разрешать этой женщине рыться в моей библиотеке.

– Это еще весьма милосердное наказание за то, что Янус похитил у меня семь отмеченных.

Вдруг Грим так неожиданно остановилась, что я чуть не врезался в нее и ее укоризненно вытянутый вперед указательный палец.

– Ты переспал с его женой!

У меня вырвался стон. Само собой, она откопала и эту тривиальную историю.

– Это была не жена, а всего лишь наложница. Кроме того, она буквально сама на меня набросилась. В том, что Янус, по всей видимости, оказался для нее недостаточно мужественным, вряд ли можно винить меня.

– Разумеется, – усмехнулась Грим. – Человеческая девчонка склонила великого Белиала к прелюбодеянию и заставила повиноваться ей против его воли.

Неприязнь в ее голосе задела мое самолюбие. Поэтому, наклонившись к колдунье, я смерил ее предостерегающим взглядом.

– Оставь свой сарказм при себе.

К несчастью, Грим принадлежала к немногочисленной группе людей, которых мне не так-то легко удавалось запугать.

– За это он велел казнить ту девушку.

– Довольно! – я обладал превосходной памятью и не нуждался в том, чтобы кто-то напоминал мне о последствиях моих действий. Тем более какая-то ведьма.

Грим с отвращением покачала головой:

– Вы наделены мощью богов, а ведете себя как дети. Если бы я...

– Я сказал, **ДОВОЛЬНО!**

Рот женщины захлопнулся, как только моя сила обрушилась на нее, подобно удару молнии, и напомнила, кто перед ней. Она жива, потому что я ее спас. Она могла надеяться на месть римлянам, потому что я дал ей такое обещание. Она могла говорить открыто, потому что я ей разрешал. Однако между честностью и неуважением есть огромная разница. И последнего я не потерплю! Ни о нее, ни от кого-либо из праймусов.

– Янус отнял у меня Мальту. Что бы ни происходило раньше, тут он зашел слишком далеко! Мне плевать, что любой новый член Совета волен выбрать место для своей резиденции. И плевать, что он имел право лишить меня собственности. **Я ХОЧУ ВЕРНУТЬ СВОЙ ОСТРОВ!**

Грим с трудом сглотнула и прохрипела:

– Так чего же мы... тогда ждем? Давай... вернем то... что принадлежит тебе!

Так-то лучше. Я медленно втянул в себя силу и позволил ведьме вновь обрести контроль над ее телом. И в конце концов устремил взгляд на императорский дворец, который уже показался перед нами. Что-то там, внутри, должно представлять для Януса невероятную ценность. Это доказывало одно лишь число защитных чар, наложенных на здание. Даже если мне придется похитить его императора-марионетку или взять в заложники всю столицу, я найду то, что представляет для Януса ценность, и таким образом получу назад Мальту.

Последний отрезок пути мы прошли молча. Добравшись до дворца, я ощутил присутствие Хиро. Мой неразговорчивый друг и самопровозглашенный телохранитель настоял на том, чтобы разведать обстановку еще до моего прибытия. Сейчас он дожидался нас под тремя внушительными пиниями³ и поприветствовал меня поклоном.

– Император Нерон пару дней назад покинул Рим и оставил вместо себя Януса. В остальном, кажется, привычный порядок вещей не изменился.

Я кивнул. Что приятно, молодой праймус был полной противоположностью Грим. По причинам, как-то связанным с честью его семьи, он следовал за мной по пятам безмолвной тенью и никогда не ставил под вопрос мои решения – за исключением тех случаев, когда считал, что моя безопасность под угрозой. Это, мягко говоря... лишнее, но я уже полюбил этого паренька.

– Тогда, – произнес я, глядя на ворота дворца, – встряхнем немножко привычный порядок вещей.

Преторианцев, которые охраняли ворота, наше появление явно ошарашило: гладко выбритый северянин в римской одежде, рыжеволосая женщина в штанах с сердитым взглядом и азиат в черном кимоно. Чтобы избежать ненужной суматохи, я стер из их памяти воспоминание о нас. Эти человеческие солдаты и так стояли здесь только для видимости. В действительности же здание охранялось магией. Силой, мерзко пахнувшей холодным дымом и засохшей кровью. Силой Януса. Я помрачнел. Почти забыл, как ненавижу этот запах.

По тенистому коридору мы попали в атриум, достойный императора. Темно-красные колонны поддерживали несколько этажей, мозаичные галереи которых переливались всеми цветами радуги. В центре располагался квадратный бассейн с чистой водой, откуда возвышались четыре искусно выполненные скульптуры. Можете думать о римлянах что хотите, но тонкую грань между роскошью и вульгарностью они соблюдали мастерски.

К нам примчался взволнованный домашний раб.

– Приветствую тебя, досточтимый Белиал. – Пожилой мужчина был одет в благородную туннику и лишь железным обручем на шее отличался от жившего здесь высшего римского сословия. – Я только что узнал о твоем прибытии. Надеюсь, путешествие оказалось... не очень утомительным. Янус разрешил тебе свободно пользоваться его порталами... поэтому я думал...

– *Его* порталами? – перебил я раба. – Твой господин *управляет* системой порталов только от лица Верховного Совета. Ни один из них не является его собственностью, как бы часто он ни называл себя богом дверей и переходов.

На самом деле было бы проще воспользоваться одним из официальных порталов. Но в итоге мне больше захотелось уязвить гордость Януса. Пусть поломает голову, как у меня получилось так быстро добраться до Рима – без его любимой и строго охраняемой порталной системы.

– Конечно. Прошу прощения, – пролепетал раб, склонившись в глубоком поклоне. Это меня удовлетворило.

– А теперь проводи меня к своему хозяину!

– Он занят.

Я приподнял бровь. То, что меня встретил раб, и так было достаточным оскорблением. Лично меня ничего не беспокоило, однако я знал, насколько позорным это считалось в местных кругах. А то, что теперь Янус слишком *занят*, чтобы сообразовывать провести аудиенцию, граничило с публичным унижением. Даже домашний раб это понимал и нервно переминался с ноги на ногу.

– Господин приказал мне создать для вас лучшие условия, пока вы будете ждать.

³ Пиния, или Сосна пиния, или Сосна итальянская – дерево семейства сосновых с характерной зонтиковидной кроной, красновато-бурой корой и темно-зеленой хвоей.

Я сделал глубокий вдох и выдох, чтобы не потерять самообладание. Чем сильнее разозлюсь, тем выгоднее это будет для хозяина дома.

– В мои намерения не входит дожидаться твоего господина, – ледяным тоном проинформировал я раба.

Он широко распахнул глаза:

– Прошу прощения?

– Отведи меня к Янусу! Где бы он ни находился.

– Как пожелаете, – поспешно откликнулся раб и подобострастным жестом пригласил меня следовать за ним.

Вот теперь я окончательно сбит с толку.

«Слишком легко», – раздался предупреждающий голос Хиро у меня в голове.

«Знаю», – отозвался я и быстрым шагом направился за рабом. В какую бы ловушку я ни угодил, скоро определенно придется за это расплачиваться.

Нас вели через многочисленные залы и другие атриумы, пока в результате мы не остановились у огромной двери, по обеим сторонам которой разместились две чудовищные скульптуры. У каждой из них оказалось по два лица, обладающих поразительным сходством с любимой оболочкой Януса.

– К слову о тщеславии, – пробормотал я, качнув головой.

Позади меня фыркнула Грим:

«А разве не ты позировал для статуи Колосса Родосского?»

Я бросил на нее строгий взгляд. Да, я тоже порой давал волю своему тщеславию. Но в отличие от Януса у меня хотя бы есть вкус. Колосс в порту Родоса стал элегантным отражением могучей мужественности. Не то что эта безвкусица. Скорее выдуманный мной ад замерзнет, чем я позволю увековечить себя с поджатыми губами, томно глядящим в небо. В двух экземплярах.

– Куда? – спросил Хиро, после того как мы перешагнули порог помещения без окон, находившегося за дверью. Только праймусы способны активировать портал, следовательно, дальше раб-человек нам ничем помочь не сможет.

– В пещеры, – прозвучал неуверенный ответ. Три простых слова, которые ощущались как ожидаемая ловушка, которая уже захлопнулась у меня за спиной. Вот ублюдок! Если и существовало в Риме место, к которому я испытывал большее отвращение, чем ко всему остальному городу, то это пещеры. Янусу это известно. Равно как и то, что я бы никогда не стал ждать его во дворце.

«Если не хочешь вернуть Янусу его раба хорошенько поджаренным, то лучше тебе успокоиться», – заговорила Грим у меня в голове. Лишь сейчас я заметил, что воздух в порталльной комнате потрескивал от моей ярости. Проклятье! Нужно снова взять себя в руки! Продолжу в том же духе, и все закончится катастрофой, а о Мальте можно будет навсегда забыть.

Кивком головы я дал понять Грим, что понял ее, и обуздал свою силу. Тем временем Хиро заставил дверь во дворец исчезнуть, а вместо нее появилась другая, деревянная и обитая металлом. Дверь, за которой со мной еще никогда не случалось ничего хорошего. Когда раб Януса ее отворил, великолепие дворца столкнулось с абсолютно иным миром. Грязным миром, темным и переполненным – как визуально, так и морально. Несколько случайных солнечных лучей проникало в отверстия в скальных стенах. Они едва пробивались сквозь густой чад, скапливающийся под каменным потолком. Поэтому повсюду горели масляные лампы и факелы, которые, в свою очередь, делали воздух еще более спертым. В этой покрытой копотью атмосфере торговцы громко продвигали свой товар, а неугомонные покупатели пытались поймать лучшие предложения: рабов – точнее говоря, людей, ведьм, отмеченных и их души. Пещеры служили черным рынком для демонических потребностей. Закованные в цепи ведьмы выставлялись тут как животные. Некоторые из них были полуобнажены и все в грязи, другие –

разодеты как куклы. Здесь торговались, рассматривали, спорили и отбраковывали, а над этой мерзкой возней висела невыносимая мешанина демонической энергии. Я не появлялся тут сотни лет и точно знал почему.

«Ждите меня. Много времени это не займет, – велел я Хиро. – И приглядывай за Грим!»

Моя отмеченная не всегда сдерживала свой взрывной характер и в данный момент выглядела так, будто собиралась превратить весь рынок в один огромный огненный шар. Я бы не стал ее винить.

Хиро кивнул. Он выполнит мое распоряжение. Так что я нырнул в эту отвратительную толчею и начал пробиваться к дальней части пещер. Я знал, где обнаружу Януса. Только один торговец предлагал тот вид эксклюзивных товаров, который отвечал его пристрастиям, – Друз Септимус. Его аукционы проводились на огороженной площади пещер, куда имели доступ лишь избранные праймусы. Те, кто обладал достаточной силой, чтобы пройти через защитные чары, или те, у кого достаточно денег, чтобы купить себе право на вход. В последнем я не нуждался. Беспрепятственно пройдя мимо печатей, я попал в заставленный кушетками и заваленный подушками зрительный зал. Каждая туника, каждая тога, каждое платье и каждая накидка, надетые на присутствующих здесь, были сшиты из самых дорогих материалов, которые только мог предложить Рим. Везде высокие прически, сверкающие украшения и соответствующее высокомерие на лицах. Да, это именно тот тип общества, который предпочитал Янус.

На постаменте из старых корабельных досок стоял закованный в цепи ведьмак, которого нахваливал тучный лысый мужчина. Чрезмерно перегруженная тесьмой туника работоторговца была заметно тесна для его массивного телосложения. Друз собственной персоной. Поскольку заинтересованные лица перекрикивали друг друга, а ставки росли, он улыбался от уха до уха. Этот тип принадлежал к одним из старейших отмеченных Януса и своим ремеслом буквально делал деньги из ничего. Точно так же, как и его хозяин, который, само собой, загребал изрядную долю.

А потом я увидел его. Януса. Этот надутый петух, естественно, сидел в первом ряду. На протяжении нескольких веков он носил одну и ту же человеческую оболочку, но если бы и нет, я все равно где угодно узнал бы его жутко воняющую сущность. Из-за него мне иногда хотелось, чтобы праймусы не были бессмертными, только ради того, чтобы я мог его убить. Медленно. С упоением. Мучительно.

– Белиал! – резкий голос Януса выдернул меня из фантазий о насилии. Он заметил меня и махнул мне рукой идти к нему, как старому другу – или псу. То и другое неприемлемо.

М-да, видимо, игры начались. Нацепив на лицо максимально равнодушное выражение, я направился к своему заклятому врагу и его гадкой ухмылке.

– Как неожиданно встретить тебя здесь! – солгал он, глядя мне прямо в глаза. – Тебе не понравилось во дворце, раз пришел искать меня именно сюда?

Я уже собирался засунуть этот самодовольный комментарий обратно в его заносчивую глотку, как вдруг он вскочил и выкрикнул:

– Шесть с половиной тысяч сестерциев!

Ох, умоляю... Янус настолько предсказуем. Разумеется, ему надо было меня заткнуть, чтобы продемонстрировать отсутствие интереса.

– Не собираешься тоже поучаствовать в торгах, Бел? – поинтересовался он, не отрывая темного взгляда от аукциона. Затем неожиданно хлопнул себя ладонью по лбу. – Ах, верно! Чуть не забыл, такое ведь ниже твоего достоинства.

– Достоинство бывает весьма полезно, – холодно откликнулся я. – Тебе тоже следует как-нибудь попробовать.

Янус рассерженно свел брови:

– Ты пришел только ради того, чтобы меня оскорблять?

Я пожал плечами:

– Пока ты не называешь мне другой причины для твоего приглашения, должен же я как-то скрасить себе время.

На губах Януса медленно расплзлась издевательская улыбка. Он снова сел и указал на соседнее место.

– Устраивайся поудобнее, возьми себе чего-нибудь выпить и чувствуй себя как дома. Рим – это не Мальта, но тебе понравится.

Я прикусил язык. Если он продолжит в том же духе, то мой визит закончится гораздо раньше, чем ожидалось. А завершит его мой кулак у него на лице.

– Раз уж мы затронули эту тему... – процедил я и сел. – Верни мне мой остров, иначе я...

– Семь тысяч сестерциев!

Толстый торговец вскинул руки вверх:

– Продано за семь тысяч сестерциев благородному Янусу!

Раздались аплодисменты, а упомянутый праймус, казалось, был вдвойне доволен собой.

– Извини, я тебя перебил. Что ты собирался сказать?

Уничжительная ухмылка превращала его лицо в очень выразительную картину. Я ненавидел эту ухмылку. Да чего уж там. Я ненавидел это лицо. На самом деле я не понимал, за что он так обожал свое тело. Эта оболочка не выглядела ни молодой, ни старой; ни сильной, ни шуплой; ни привлекательной, ни отталкивающей. Все в ней было угловатым, жилистым и несло на себе отпечаток долгих лет.

– Ничего особенного, – наигранно дружелюбно ответил я. – Просто хотел предупредить об ужасном возмездии, которое тебя ожидает, если не отдашь обратно мой остров. Ну, знаешь, все как обычно.

– Понимаю, – великодушно откликнулся Янус. – Тогда в ответ я должен поставить тебя в известность, что на твои предупреждения мне глубоко плевать. Откровенно говоря, я бы с радостью избавил себя от твоего общества, однако Верховному Совету, похоже, важно, чтобы мы уладили свои разногласия. Они не очень-то одобряют тот факт, что два таких высокопоставленных члена Лиги воюют друг с другом. По этой причине они потребовали, чтобы я на какое-то время пригласил тебя в Рим. Очевидно, лелеют надежду, что мы еще сумеем подружиться.

Это настолько абсурдно, что я не сдержал смех.

– Совет заставил тебя пригласить меня? Тогда передай им, пожалуйста, следующее: мы никогда не станем друзьями. Но если ты освободишь Мальту, то можем подумать о перемирии.

– Кажется, ты меня неправильно понял, – грубо сказал Янус. – Я не намерен торговаться с тобой, заискивать или идти тебе навстречу. Мальта принадлежит мне по праву. Поэтому я просто перетерплю твое присутствие, чтобы в итоге доложить Совету о твоём упрямстве.

Мы сверлили друг друга взглядами. Каждый четко выразил свою позицию, и ни один из нас не собирался отступить от нее ни на шаг. Видимо, лето будет долгим.

Кассия Злободневный вопрос

Сейчас железные кандалы на моих запястьях казались по-настоящему плохим и ошибочным решением. Поначалу они были лишь необходимым реквизитом, чтобы сделать нашу историю достоверной, но тут, в пещерах, цепи словно становились с каждым шагом тяжелее и тяжелее. Инстинкты во всю громкость призывали меня к побегу. Держать их в узде удавалось, только постоянно напоминая себе о том, что поступаю правильно. Я покончу с Янусом. Покажу демону, где его место. Отомщу за Дафну.

Танатос дал мне день на раздумья, однако уже через пару часов мне стало ясно, как должен звучать мой ответ. Если я хотела в будущем спокойно смотреть в глаза самой себе, то другого выбора нет – на какие бы риски мне ни предстояло пойти. Впрочем, наивной я не была, и жить мне пока тоже не надоело, поэтому как от Танатоса, так и от Люциана я потребовала клятву: каждый день ждать от меня сообщения в Большом цирке, и если – независимо от моего успеха – я захочу все бросить, то они будут обязаны меня выволить. Это создавало хотя бы намек на безопасность.

Люциан, ни на миг не останавливаясь, двигался сквозь толпу. Он надел плащ, капюшон которого низко натянул на лицо. Мера предосторожности, чтобы его никто не узнал. По той же причине Танатос вообще не пришел. Его сомнительная слава брахиона поставила бы наш план под угрозу – тем более этот подозрительный рынок кишел демонами. От множества иллюзий и витающей повсюду силы у меня жутко кружилась голова. Так что, сконцентрировавшись на спине Люциана, я послушно следовала за ним вдоль каменных стен за импровизированную сцену.

– Ты опоздал, – послышался ворчливый мужской голос. Надсмотрщик со шрамами от нарывов отпихнул Люциана в сторону и без спроса схватил цепь, чтобы разглядеть меня со всех сторон. От него ужасно воняло, но, к счастью, на тщательный осмотр времени ему не хватило. Точно так, как и задумывал Танатос.

– Друг будет ее покупать или нет? – рявкнул на него Люциан. Надзиратель нервно оглянулся на сцену. Там наверху его хозяин в данный момент был очень занят. Заменить его никто

не мог. И это тоже являлось частью плана. Чем меньше народа запомнит лицо Люциана или обстоятельства моей покупки, тем лучше.

– Ну, ладно, – пробубнил надзиратель и вытащил мешок с монетами. – А теперь исчезни отсюда!

Люциан взял деньги, развернулся и растворился в толпе – не оглядываясь.

Я тяжело сглотнула. На самом деле я давно привыкла рассчитывать только на себя, но Люциан не просто бросил меня одну, но и забрал с собой мою личность. С этого момента я больше не свободный человек. С этого момента я рабыня.

– Ты следующая! – охранник выволок меня на постамент, а вместе с тем и в центр внимания. Пока он обменивался парой слов со своим хозяином, я почувствовала, как на меня обратились глаза всех присутствующих. Большинство из них смотрели на меня как на кусок мяса, который очень кстати умел вырабатывать эмоции. Хотя я готовилась к такому, сердце вдруг бешено заколотилось. Теперь дело за мной. Нельзя показывать ни страха, ни смирения, ни слабости. В этом отношении инструкции Танатоса звучали довольно однозначно. Чтобы заманить кого-то вроде Януса, определенно потребуется больше, чем смазливая внешность – но и ей пренебрегать не стоило. Поэтому на мне была очень тонкая туника, плотно прижатая к телу плетеным поясом, и простая высокая прическа. Так по чистой шее любой мог увидеть, что моя душа еще принадлежала мне.

Я незаметно окинула взглядом публику. Темноволосого праймуса, чей интерес мне необходимо привлечь, особенно долго искать не пришлось. Янус, *Ужас Рима*, восседал в первом ряду, как сам император.

– Дорогие бессмертные! – я невольно вздрогнула от громогласного баса работорговца. – Мой последний лот на сегодня – настоящая жемчужина в море посредственности! Свежее поступление, которое я не хочу от вас скрывать.

Надзиратель сильно толкнул меня, в результате чего я упала прямо в пухлые руки Друза. Вблизи стало видно, что его кожа сплошь покрыта печатями. Значит, он отмеченный высокого уровня, который променял часть своих эмоций на привилегии вроде обостренных чувств, силы или выносливости.

– Юная девушка исключительной красоты и с прекрасным здоровьем, – продолжал свою презентацию Друз. – И самое лучшее: меня заверили, что ее душа совершенно нетронута. Очевидно, ее научили хорошо защищать свое сознание. Прочные стены, крепкие и невредимые. Поскольку у меня не было времени в этом убедиться, предоставляю вам самим возможность испытать способности девчонки!

Он еще не договорил свое зловещее приглашение, а воздух уже задрожал от энергии. Люциан предупреждал, что демоны будут пытаться попробовать мои эмоции, однако чистойшая мощь их натиска превзошла мои самые худшие ожидания. Как минимум десять разных сущностей праймусов одновременно атаковали мои стены. Меня как будто похоронил под собой оползень. Я ахнула. На глазах выступили слезы. Даже железной волей мне не удалось помешать собственным коленям подогнуться. Судя по всему, на этом с моим самоуверенным поведением покончено, но что угодно будет лучше, чем позволить этим гнусным жадным демонам проникнуть в мой разум. Мои чувства принадлежали мне!

Сквозь шум в ушах я слышала возбужденные выкрики зрителей. Они делали ставки на меня – и на мою боль. Тут чья-то рука дернула меня за волосы и рывком поставила на ноги. Похоже, Друз решил предоставить своим клиентам лучший вид на мою борьбу и тем самым задрать цены до небес. Его злобный смех оказался последней каплей. Инстинктивно забыв про свою роль рабыни, я врезала ему локтем в лицо. Ментальное давление почти сразу ослабло. Вместо него раздалось дружное улюлюканье. От облегчения я чуть не расплакалась и не заметила ответный выпад Друза. Он с размаху так ударил меня ладонью, что голова отлетела в сто-

рону. Во рту появился металлический привкус. Этот тип явно обладал большей силой, чем должен нормальный человек.

– Видите, какая неприрученная дикарка! – издевался работорговец. – Личное имущество верховной жрицы Лукусты, которая, по всей вероятности, не справилась с упрямством своей рабыни.

Имя Лукусты внезапно пробудило в моей памяти наш план. На самом деле мне не нравилось втягивать в это дело верховную жрицу без ее ведома, но существовала опасность, что меня узнает кто-то из посетителей храма. Тем важнее довести дело до конца. Поэтому я выпрямилась, не обращая внимания на кровь, текшую по губе, и со всей гордостью, на которую только была способна, устояла в толпу.

Предложения опережали друг друга. Друз ликовал, однако единственный нужный демон, казалось, несколько мной не интересовался. Янус развалился на подушках и выглядел недовольным. А причина, очевидно, сидела рядом с ним: светловолосый праймус, которого я никогда не встречала прежде – ни на играх, ни на каких-либо триумфальных шествиях или прочих публичных торжествах. Его аквамариновые глаза, как и многие другие, были устремлены на меня, но в них светилась не жадность, а откровенное презрение. Его словно воротило от моего вида.

– Ну, давайте же! – жаловался Друз. – Я слышу десять тысяч сестерциев? Она стоит каждой монеты! А если нет, то я заберу ее обратно и развлекусь с ней сам.

Я прикусила язык, чтобы не огрызнуться на эту мерзкую кучу мяса, и тут Янус ни с того ни с сего разразился хохотом. Подняв руку, он крикнул:

– Пятьдесят тысяч сестерциев.

Его неожиданное участие в аукционе породило потрясенное молчание. Никто не рассчитывал на такую безумно высокую цену. Не за обыкновенную рабыню. При этом Янус до сих пор не удостоивал меня вниманием. Выходит, ставку он сделал по другой причине. Возможно, Танатос и Люциан ошибались, полагая, что я точно вписывалась в его типаж?

Даже Друз выглядел удивленным. Он набрал воздуха, чтобы что-нибудь сказать, но Янус его опередил.

– Это что, жалость у тебя во взгляде? – вопрос Янус адресовал гостю-блондину, который так стискивал свою выразительную челюсть, что под кожей вырисовывались мышцы. – Для праймуса, который сам себя любит величать *олицетворением зла*, ты поразительно мягок, Белиал.

Все вокруг засмеялись, из-за чего лицо белокурого парня помрачнело еще больше. Он в ярости повернулся к Янусу:

– Не путай мое недовольство с жалостью. Тебе известно мое мнение по поводу рабства. Оно мне надоедает.

Белиал говорил с бархатистой надменностью, однако бурлящая под ней мощь заглушила все смешки. По всей видимости, он был здесь не только единственным, кому хватало храбрости в открытую возражать Янусу, но и единственным, кто мог себе это позволить.

Около меня Друз начал заламывать свои пальцы-колбаски. Я лишь ждала, когда он наконец завершит этот жуткий аукцион и объявит Януса победителем, но ничего подобного он не делал. Вместо этого он фальшиво хихикнул, пытаясь спасти честь своей профессии.

– Мой дорогой Белиал, ты недооцениваешь удовольствие от полного и абсолютного подчинения. Если как-нибудь захочешь попробовать, у меня найдется для тебя парочка хороших предложений.

– Я знаком с удовольствием от полного и абсолютного подчинения, – презрительно хмыкнул светловолосый праймус. – Однако люди обожают меня или боятся по собственному желанию. Мне нет необходимости покупать себе такое удовольствие.

Ну ничего себе! Если до этого я на краткий миг испытала уважение к Белиалу, то теперь поняла, что этот тип просто страдал манией величия. Вероятно, сцепиться только с Янусом ему оказалось недостаточно. Нет, ему понадобилось оскорбить и остальных демонов. Его счастье, что присутствующие бессмертные, похоже, туго соображали. Как только до них дойдет, что сейчас их всех назвали ленивыми и ни на что не способными, этот инцидент быстро превратится в катастрофу. Уже сейчас поднимался приглушенный ропот, который наверняка скоро перерастет в возмущение.

Вдруг Янус встал и небрежным жестом призвал всех успокоиться. Каждой клеточкой своего существа он излучал темный ум и пронизательную злобу.

– Очевидно, нашему дорогому Белиалу приходится прикрывать свою ограниченную финансовую ситуацию идеализмом, – сообщил он публике. – Будьте к нему снисходительны. Наш стиль жизни не каждый может себе позволить.

От его шутки народ развеселился. Даже Белиал улыбнулся. Это была опасная улыбка, которая идеально подходила к холодному блеску его глаз. Когда он тоже встал, все затаили дыхание.

– Сто тысяч сестерциев! – объявил он.

Ч-что?!

Словно замедлившись в несколько раз, мой разум осмысливал цифру, которую только что озвучил залу Белиал. Быть такого не может! Почему именно я оказалась в ловушке демонического спора только из-за того, что какой-то древний парень с уязвленной гордостью ощутил потребность доказать свою финансовую состоятельность? Это не хорошо. Совсем не хорошо. Точнее говоря, это даже очень плохо. В конце концов, моя договоренность с Танатосом и Люцианом распространялась исключительно на Януса. То есть нельзя, чтобы меня купил кто-то другой. Иначе в результате я до конца своих дней останусь рабыней напыщенного красавчика, пока Янус продолжит творить свои бесчинства.

Новая ставка вызвала бурные перешептывания среди наблюдавших. Януса и Белиала это не заботило. Они были чересчур поглощены дуэлью взглядов и сомнений. Стоя лицом к лицу, эти двое казались кардинально противоположными людьми. С одной стороны, жилистый южанин средних лет с заметными морщинами, седыми висками и покрытой шрамами верхней губой. С другой – белокурый атлет в тунике цвета морской волны, безупречные пропорции которого привели бы в восторг любого скульптора. Впрочем, меня не обманешь красивой внешностью. Я видела лишь две стороны одной медали. Двух демонов. Двух хищников. Два раздутых до гигантских размеров эго.

Напряжение между ними явственно нарастало и достигло настолько тревожного уровня, что Друз возле меня начал обливаться потом. Он безуспешно старался вновь разрядить ситуацию, когда Янус неожиданно воскликнул:

– Сто пятьдесят тысяч сестерциев!

Его голос легко прорезался через болтовню демонов и снова переломил ситуацию. Хорошо! А может, и нет. Его ставка спасет план, но вместе с тем огромная сумма вселяла в меня ужас. Я даже представлять себе не хотела, что такой демон, как Янус, сделает с рабыней, которая стоила ему столько денег.

– Двести тысяч сестерциев, – повысил Белиал цену не моргнув глазом.

Какого?..

Этот парень ведь не мог не понимать, что ему не выиграть. Не в этом городе.

В то время как меня затошнило от паники, двое противников продолжали пронзать друг друга взглядами.

– Большая сумма за одну смертную, – изрек Янус.

Белиал тихо рассмеялся:

– Только не говори, что теперь вдруг не можешь позволить себе собственный стиль жизни.

На какой-то момент я поверила, что они вцепятся друг другу в глотки. Но затем Янус посмотрел своими темными глазами на сцену. Хотя меня он коснулся лишь вскользь, в память врезался как раскаленный металл. Другу, кажется, пришлось не легче, так как внимание Януса сейчас сосредоточилось на нем. Работорговец вздрогнул, прежде чем едва заметно кивнуть – практически так, словно они с демоном заключили сделку. Потом на лице Януса возникла удовлетворенная улыбочка.

– Двести пятьдесят тысяч сестерциев!

Друз мгновенно вскинул руки вверх:

– Продано! Нашему высокоуважаемому члену Совета Янусу!

Белиал Поспорим?

Хиро и Грим ждали меня у портала. Германка опустила голову, потому что пыталась спрятать от меня фингал под глазом. Выглядела она при этом так же виновато, как и Хиро. Покачав головой, я даже не стал спрашивать, что стряслось. Полагаю, мой телохранитель помешал Грим убить одного из местных торговцев ведьмами. В противном случае они бы просто не стояли здесь, а дожидались в каком-нибудь подвале, пока я вытащу их из бедственного положения.

– Пойдем отсюда, – мрачно буркнул я и шагнул в порталную комнату. Сегодня в качестве исключения их обоих минует выговор. Все-таки я вряд ли мог пожаловаться на недостаток самоконтроля, если бы уже не покрыл себя славой в этом отношении.

Меня раздражала собственная беспечность. Этот рынок и наивность девушки-рабыни не должны были так выбить меня из колеи. Но она вела себя так неразумно, что я чуть сам не вторгся в ее сознание только ради того, чтобы ее встряхнуть. Ей следовало понять, что упрямство и гордость так же неудержимо влекли демонов, как горшок с медом – голодных медведей.

Тем не менее именно я преопределил ее судьбу. Из-за моего неодобрения Янус вообще обратил на нее внимание. Не говоря уже о моих ставках, которые подлили масла в огонь. Не очень многообещающее начало моего пребывания тут, но я это изменю.

Когда мои сопровождающие тоже вошли в порталную комнату, я уже собирался закрыть дверь, как вдруг меня остановил насмешливый голос.

– Что, уже сбегаешь?

подавив стон, я вновь распахнул дверь:

– Еще нет, Янус. Я не сделаю тебе такого одолжения.

– Хорошо, – хохотнул он, стоя в окружении еще пяти праймусов. Без приглашения все они втиснулись за нами в портал. – Потому что мои друзья будут рады, если ты присоединишься к нам за трапезой. После представления, которое ты сейчас устроил, они явно ожидают не менее насыщенного событиями вечера.

Ну, замечательно. Вообще-то я рассчитывал вернуться во дворец раньше Януса и спокойно там осмотреться, однако теперь об этом, видимо, можно забыть.

– Если мне не придется притворяться, что ты мне нравишься, – пробормотал я.

Праймусы засмеялись.

– Именно на это мы и надеемся, – заявил один из них.

Его реплику я не удостоил ответом. Мое терпение и без того висело на волоске. Я уже вспомнил, почему обычно избегал утонченного высшего класса Лиги как зловонной клоаки. Весь путь до дворца и по дворцу гости Януса соревновались на редкость в глупой болтовне и подхалимстве. А потом стало только хуже, так как в императорском обеденном зале нас ожидали другие праймусы из числа разодетой римской элиты. Чуть ли не досадно, что невероятную обстановку помещения портило ужасное общество. С потолка падали лепестки роз, а почти обнаженные танцовщицы двигались в такт экзотическим мелодиям. Помимо прочего, небольшая армия рабов в золотых одеяниях встречала нас с напитками и лакомствами – хотя настоящими лакомствами являлись их человеческие эмоции. Как бы мне ни хотелось придраться ко вкусу Януса, все же вынужден признать, что такие декорации мне по нраву.

– Добро пожаловать в мой скромный дом! – воскликнул хозяин. Раб торопливо забрал у него тогу. Красную тунику, которую Янус носил под ней, он просто спустил с плеч, так что верхняя часть одежды просто свисала с его пояса. Такова традиция среди праймусов – в подобных случаях надо обнажать спину. Потому все гости мужского пола сделали то же самое, а на женщинах уже была одежда с открытой спиной. С учетом того, как часто некоторые из нас меняли свои человеческие оболочки, знаки на наших спинах оставались единственной возможностью узнавать друг друга. И я узнал многих, большинство из которых не видел уже несколько десятилетий.

Среди них обнаружили близкий друг Януса Аполлон, его сестра Диана и Плутон в компании своей прекрасной дочери Мирабель. Эта молоденькая девушка-праймус не могла быть старше двух веков, но ее темноволосая оболочка демонстрировала поразительно утонченный вкус. Кроме того, я заметил Дариуса и его спутницу Электру, которые оба претендовали на место в Верховном Совете, однако Янус их превзошел. И разумеется, Лексиана Анку, сына главы Совета, не пропускающего ни одного торжества по эту сторону экватора и притягивающего к себе скандалы, как свет притягивает мотыльков. Все прочие праймусы выглядели слишком молодо, чтобы я удосужился запомнить их имена. Скорее всего, подхалимы, намеревавшиеся подняться в высший свет.

– Сегодня мы приветствуем новичка в наших сиятельных кругах, – продолжил Янус, опускаясь на одну из мягких кушеток. – Белиал... старый знакомый вашего покорного слуги. Если вы его еще не знаете, то очень скоро познакомитесь.

Похоже, это сигнал для меня – и самое убогое представление, которое я когда-либо о себе слышал. Хотя кому нужны красивые слова, когда есть я сам – собственной обаятельной персоной? В ближайшем времени приспешники Януса будут спрашивать себя, тому ли праймусу лижут пятки.

Я освободил торс от лишней ткани и направился напрямик в центр зала. А по пути выпустил свою силу и почувствовал, как глаза стали абсолютно черными. Многие праймусы в повседневной жизни не утруждались тем, чтобы полностью скрывать сущности, но я приучил себя к этому железной дисциплиной. Не потому, что мне не нравилось показывать себя во всей красе, – совсем наоборот. Просто кое-что другое я любил гораздо больше – удивление в глазах врагов, когда они осознавали, как сильно недооценивали мою истинную мощь. Именно такое выражение сейчас отражалось на лицах потерявших дар речи гостей.

Хорошее начало, но не настолько, чтобы вызвать толику уважения у этой тщеславной компании. Так что я незаметно пропустил свою энергию через мысли рабов Януса. Конечно, печати закрывали мысли его людей от чужих атак, однако их многоуважаемый господин явно

забыл, что я умел искусно обходить такого рода защиту. Ошибка с его стороны, потому что понадобился лишь один небольшой ментальный толчок, и вот Янус уже наблюдал вместе с остальными, как все до единого его рабы встали передо мной на колени.

– Так вот он какой? Блистательный Рим, о котором все бредят? – осведомился я бархатным голосом и, не впечатленный, устроился на кушетке справа от хозяина дома. – Довольно мило, да, но я представлял себе нечто более... необычное.

Наконец, издав скучающий вздох, я втянул свою силу обратно, и все стало по-старому. Затем взял виноград Януса и, закинув одну ягоду в рот, наслаждался безмолвием, которое вызвало мое появление.

Первым овладел собой Аполлон. В настоящее время он занимал тело, благодаря которому выглядел юношей-подростком с волосами цвета белого золота. Прелестный и безупречный. Но я хорошо его знал. Аполлон был безупречным гадом.

– Как ты это сделал? – спросил он, сверкнув глазами. – Как сумел обойти печати Януса?

Я пожал плечами.

«Грим!»

Моя отмеченная отреагировала мгновенно. Она понимала, чего я от нее ждал, и ответила с ледяной самоуверенностью:

– Белиала не без причины именуют мастером обмана и соблазнения, властелином лжи, сыном мрака и...

– О, умоляю! – оборвал ее Янус. – Что за осел выдумал эту чепуху?

Его гневный тон походил на удар плети и звучал словно музыка для моих ушей. Впрочем, его настроение не могло сравниться с тем, что в данный момент творилось у меня за спиной. Гримхильда кипела от ярости. Упомянутым ослом была она сама.

«Глубокий вдох!» – приказал ей я. Все шло так хорошо, что ее пресловутые вспышки гнева мне сейчас абсолютно ни к чему.

«Оскорбит меня еще раз, и его волосатая задница познакомится с моим ведьминским огнем!»

– Чепуха или нет, – вмешался длинноволосый Лексиан и отсалютовал мне кубком. – Впечатляющее выступление. Если кого-то интересует мое мнение, вам стоит принять его в свой маленький пантеон. Властелин лжи преуспел бы среди олимпийских богов.

– Наш *маленький пантеон* уже полон, – фыркнул Плутон, который не выносил меня почти так же, как и Янус. Я пропустил его провокацию мимо ушей и закинул в рот вторую виноградинку.

– Не беспокойся, Лекс. Я не присоединюсь в роли незначительного второстепенного божка к религии, которая уже давно миновала свой расцвет. Лучше буду инвестировать в будущее.

Звонкий смех Электры эхом разнесся по залу.

– Верно, разве не Бел основал ту новую секту?

– Христиане, – с усмешкой согласился с ней Дариус.

– Как мило, – сказала Диана.

Их издевки меня не трогали – как и всегда, когда поднималась эта тема. Мне и так известно, что никто здесь не разделял моих взглядов.

– В мире со множеством богов нужно делиться. Я же предпочитаю веру, страх в которой сосредоточен только на одном. – В рот отправилась следующая ягода. – На мне.

– Любопытная задумка, – произнес Аполлон. – Но в реализации она потерпит крах.

– Посмотрим, – невозмутимо ответил я.

Диана собиралась что-то добавить, когда в зал вошел приземистый смертный в преторианской форме. За исключением формы, ничто в этом мужчине не излучало воинской дисциплины.

плины – как будто отпетого негодяя нарядили солдатом. Готов поспорить на собственное имя, что он выполнял за своего мастера грязную работу.

– А, Тигеллин, – воскликнул Янус и жестом подозвал префекта поближе. – Вижу, ты привел мне мои последние приобретения.

Следом за преторианцем вошла целая очередь рабов, которых Янус, судя по всему, купил в пещерах.

– Всего двенадцать? – ухмыльнулся юный Аполлон. – Ты что, становишься скромнее к старости?

Янус насмешливо отмахнулся от этого замечания, но глаза его заблестели от возбуждения. В сущности, в этом не было ничего особенного, если бы я точно не знал, что возбуждали Януса главным образом боль и насилие. Неудивительно, что у него такой износ рабов.

После того как новенькие аккуратно выстроились в ряд, Янус вскочил и прошагал вперед, чтобы осмотреть свое новое имущество.

– О, можно мне сегодня назвать одного раба? Пожааалуйста! – восхищенно закричала Мирабель, тем самым ставя под сомнение свой очаровательный образ. Я поморщился. Некоторым людям определенно пошло бы на пользу никогда не раскрывать рта.

– Ну, конечно, моя дорогая! Какой негостеприимный хозяин посмел бы отказать тебе в этом удовольствии?

Он подал знак Тигеллину, на что тот вытолкнул одного запуганного паренька в центр пиршества. Я узнал в нем ведьмака, которого Янус купил, когда я только появился на аукционе.

– Итак, что думаешь? – поинтересовался Янус у дочери Плутона. – Как его будут звать?

– Он выглядит как... Пердитус, – откликнулась теперь уже не такая привлекательная Мирабель.

Янус пришел в восторг:

– Какое подходящее имя!

В качестве исключения вынужден с ним согласиться. «Perditus» означало «пропавший», а этот ведьмак теперь точно пропал.

– Дай мне свою руку, Пердитус! – велел ему новый господин.

Ох, пожалуйста! Не будет же он?.. Здесь, перед всеми?

Мучительно медленно сила Януса начала разворачиваться, пока все мои органы чувств не наполнил омерзительный запах крови и дыма. Кинжалом, который протянул ему Тигеллин, он полоснул по ладони ведьмака.

– Я требую твою душу! – торжественно проговорил Янус, делая первый шаг, необходимый для душевной связи: выразить свой интерес. Затем потребуются еще кровь и согласие жертвы.

– Подари ее мне! Произнеси слова! – глаза Януса переливались серебром, потому что он питался страхом юноши. И тот повиновался.

– Моя душа теперь твоя, Янус.

Не успев закончить роковое предложение, раб с криком упал. Метка Януса болезненно выжигалась у него на шее как доказательство их сделки – причем вряд ли тут можно говорить о сделке, так как выбора у этого мальчишки не оставалось. Волна энергии протекла по залу, вызывая у гостей сладостную эйфорию, а у меня – отвращение.

– Следующего хочу назвать я, – заявил Дариус, и игра началась заново.

Я бросил оставшийся виноград обратно в вазу. Аппетит пропал. На самом деле отметить человеческую душу – это очень интимный процесс. Завершение искусного соблазнения и начало повиновения длиною в жизнь. Безусловно, обман и прочие уловки тоже присутствовали, но триумф был полным лишь тогда, когда человек дарил тебе душу по собственной воле. То, что вытворял тут Янус, просто недостойно и считалось позором для нашего вида.

После того как у половины рабов похитили души, а праймусы впали в настоящее опьянение, я больше не смог этого выносить. И уже собирался встать и покинуть зал, как вдруг Янус переключился на меня.

– Что случилось с твоим хорошим настроением, Бел? Выглядишь так же хмуро, как оба твоих телохранителя, – съязвил он. – Переживаешь, что ты больше не в центре внимания?

Как же я ненавижу этого типа! И самое неприятное, что теперь я не мог уйти, косвенно не признав тем самым его правоту.

– Вовсе нет, – ответил я со всем своим шармом. – Мое угасающее настроение по большей части связано с твоим присутствием.

Янус хмыкнул. Моя маленькая колкость, похоже, его не волновала, потому что он знал, что сейчас преимущество за ним.

– Раз так, то как хозяин дома я просто обязан тебя развлечь. – Он распротер руки и обратился к остальным: – Как вы думаете? Возможно, стоит разрешить Белу тоже дать имя одному из моих рабов?

Бурные аплодисменты и желчное одобрение прокатились по залу.

– Не интересуется, – прохладно бросил я.

– Уверен? – рассмеялся Янус. – Как насчет той девчонки, которая по твоей милости обошлась мне в целое состояние?

Его сила обвилась вокруг темноволосой рабыни, заставляя ее сделать шаг вперед. Это действительно оказалась та девушка, которая чуть не сломала нос работоторговцу в пещерах. До сих пор я ее не замечал, поскольку она опустила голову и стояла в покорной позе. Полная противоположность ее поведению на рынке. Либо она наконец что-то поняла, либо смирилась с судьбой. В любом случае я не позволю Янусу втянуть меня в свои игры.

– Не интересуется, – повторил я.

– Можете в это поверить? – Янус соорудил удивленную мину, а потом широко оскандился. – Что ж, тогда честь назвать новое украшение моей коллекции достанется мне самому.

Устремив свой черный взгляд на молодую женщину, он начал обходить ее по кругу. Спектакль, который он смаковал в полной мере, чтобы увеличить ее тревогу. Она, кстати, все еще удерживала свою защиту, однако язык тела был достаточно прозрачен.

– Волосы темные как ночь, – пробормотал Янус и поймал ее за подбородок. – Кожа как лунный свет. – Его пальцы крепко сжали ее щеки, когда он повернул голову девушки к себе. – Глаза, напоминающие рассвет. И все же в них горит огонь. Словно солнце, которое вот-вот взойдет. – Он наклонился вперед, понюхал ее висок и вздохнул. – Я назову тебя Авророй. Утренней зарей.

Каким бы отвратительным ни выглядело его представление, я не мог не отдать должное его решению. Имя выбрано идеально.

– Подари мне свою душу, Аврора, – потребовал Янус. Не отпуская лицо рабыни, он шагнул ей за спину и приставил кинжал к горлу. Теперь у меня появилась возможность смотреть прямо в темно-синие глаза девушки, когда лезвие вонзилось ей в кожу. Единственная капля крови побежала по тонкой шее. Больше для ритуала связывания души не понадобится.

Проглотив свое неудовольствие, я заставил себя сохранять невозмутимое выражение. В противном случае Янус лишь напрасно затянет страдания девчонки, чтобы меня спровоцировать.

– Скажи это! – прошипел он ей в ухо.

Рабыня задрожала. Ее большие глаза наполнились слезами, но она не издала ни звука. Значит, ее гордость все-таки не до конца сломлена. Однако на этот раз она вызвала у меня восхищение. Требовалась немалая смелость, чтобы сопротивляться кому-то вроде Януса.

– Пообещай мне свою душу или сегодня же испустишь дух!

В голосе праймуса зазвенела ярость. Он не привык к тому, что его приказам не подчинялись. Тем более какая-то рабыня. Однако девушка продолжала молчать.

– СКАЖИ ЭТО! – взревел он. – СКАЖИ СЛОВА!

Его клинок глубже врезался в ее шею. Одновременно я ощутил, как сила Януса обрушилась на ее сознание. Я бы поставил на то, что через три мгновения ее стены лопнут от грубого натиска, потому что Янус гораздо могущественнее, чем праймусы, которые проверяли ее на аукционе. Как ни странно, она продержалась семь, после чего сломалась, а нас захлестнули ее эмоции. Мощные. Нетронутые. Соблазнительные.

– Так-то, – рассмеялся Янус, опьяненный силой. Его глаза светились серебром, как и у других праймусов. Все они пировали юной рабыней. Ее страхом, ее гневом и глубочайшим ужасом, который она к нам испытывала.

– А теперь пообещай мне свою душу!

Мне пришлось призвать все свое самообладание, чтобы не вцепиться Янусу в глотку. Как бы ни прельщал этот порыв, так я только сделаю еще хуже. Поэтому я взял себя в руки и терпел выражение безмерного отчаяния на лице девушки. Терпел слезы, которые уже без остановки катились по ее щекам, и постыдную дрожь ее губ. Янус сломал ее.

– Скажи!

Когда она открыла рот, чтобы выговорить формулу привязки души, я совершенно неожиданно почувствовал проблеск жалости. Янус не заслуживал души этой храброй рабыни. А та расправила плечи и выдавила из себя лишь одно слово:

– Ни-ког-да!

Воцарилось изумленное молчание. Янус застыл. Я ощутил, как у меня дрогнули уголки губ. Хотя был по-настоящему впечатлен, я тут же снова себя одернул, понимая, что общее оцепенение – это просто затишье перед бурей – беспощадной бурей. Подобного унижения Янус ни за что не оставит безнаказанным. Никто и моргнуть не успел, как он схватил рабыню за горло и стиснул его. Ее хрип, кажется, не унял его гнев. Напротив, он наслаждался ее агонией, пока его сущность вторгалась в ее разум. Он отнимет у нее контроль над телом и ее голосом произнесет слова, которых так жаждал.

В шоке я подался вперед. И не верил своему счастью. Янус намеревался совершить фатальную ошибку. Ошибку, которая возвратит мне Мальту. Наши законы запрещали при помощи манипуляции сознанием похищать душу у человека – независимо от того, как часто такое происходило или как редко наказывалось. Может, его друзья и не имели ничего против, однако я к числу друзей Януса не принадлежал и без колебаний привлеку его к ответственности перед Верховным Советом.

Так почему же тогда все во мне противилось? Это же подарок небес. У меня бы ушли месяцы, чтобы довести Януса до такого состояния, чтобы он забыл обо всем вокруг. Надо торжествовать и аплодировать, но что делал я? Я сочувствовал человеку... Неужели я правда настолько размяк, что из-за симпатичного личика и пары слезинок откажусь от своих целей? Девчонку мне все равно не спасти...

АХ, ДА ЧТОБ ВАС!

Я громко кашлянул.

– Похоже, твоей силы не хватает, чтобы лишить ее воли.

Внезапно Янус замер. Любого другого мой насмешливый комментарий лишь подстегнул бы, но Янус достаточно умен, чтобы сразу осознать свой промах. От отшвырнул девушку на пол и повернулся ко мне.

– Я бы никогда не стал *принуждать* человека отдать мне душу. Это всего лишь... наказание.

Я ответил на его улыбку и взял свой бокал с вином:

– Ни о чем ином я и подумать не мог. Все-таки это преступление против Канона, а ты как член Совета являешься ярким примером благочестия.

Так выставить его на посмешище принесло мне некую долю удовлетворения – хотя с куда большим удовольствием я бы публично обвинил его в содеянных преступлениях. Испуганные и виноватые выражения на лицах остальных мне тоже понравились. Вероятно, этот дворец повидал уже много зверств – а потом снова о них забыл.

– Тигеллин! – позвал своего префекта Янус.

Человеческий солдат шагнул вперед, обнажил свой меч и направил его на рабыню на полу. Я старался не обращать на нее внимания, невзирая на то, что взгляд ее огромных удивленных глаз не отрывался от меня и непреодолимо притягивал. Вместо этого я сделал глоток вина и вновь притворился безучастным.

Янус присел на колени перед девушкой.

– И что же мне с тобой делать, Аврора? – почти по-дружески спросил он. – Наши законы однозначны. Я не имею права отнять душу силой. И даже убить тебя не могу... – он отвел назад прядь волос, выбившуюся из ее прически. – Но могу в любой момент *приказать* тебя убить, если захочу. Только тогда твоя прекрасная душа будет потеряна. Завещай ее мне, и я дам слово, что тебя ждет долгая и сравнительно приятная жизнь.

Тут я не выдержал...

И фыркнув, залил вином половину стола.

– Серьезно? – выпалил я между кашлем и смехом. – Вот каким образом ты собираешься выманить душу у человека? – на глазах выступили слезы, так сильно меня позабавила его жалкая попытка выглядеть убедительно.

Янус поднялся. В его взгляде сверкала неукротимая ненависть.

– Считаешь, у тебя получилось бы лучше?

– Я это *знаю*, – невозмутимо откликнулся я.

– Хорошо. – Его рот изогнулся в злобной ухмылке. – Тогда как насчет маленького спора? Сможешь сделать так, чтобы эта девчонка добровольно пообещала тебе свою душу, и я тебе ее подарю.

– Если бы я ее хотел, то не позволил бы тебе выиграть аукцион, – тут же парировал я. – Мне не нужна рабыня.

Я умел распознать ловушку, когда мне ее готовили. Янус просто желал выяснить, не испытывал ли я слабость к этой девушке. Скорее всего, он никак не мог понять, почему я вмешался ранее, упустив свою выгоду. Предсказуемо. Ведь я и сам этого не понимал. Однако и настолько глуп, чтобы дать себя подловить, тоже не был.

– А если ставкой будет то, что больше тебя заинтересует? – предложил Янус. Казалось, он буквально загорелся этой идеей. – Через пять дней начнутся празднования Лукариев⁴. Завладей до этого душой Авроры, не манипулируя ее разумом... – он сделал драматическую паузу, – и я отдам тебе то, ради чего ты сюда пришел, – Мальту.

Вот теперь он определенно привлек мое внимание.

– Но если потерпишь неудачу, то преклонишь передо мной колени и официально признаешь меня как члена Верховного Совета.

Я прищелкнул языком. Ставка высока, однако условия соразмерны. Мой взгляд метнулся к молодой девушке на полу. Она кое-как залатала свои стены, и все же я различал панику у нее на лице. Похоже, ей абсолютно не нравилось быть призом в нашем небольшом состязании. Она была горда, упряма, но в то же время одинока и ранима.

У меня на губах заиграла холодная улыбка.

⁴ Лукарии – один из древних римских праздников в память о римлянах, которые после поражения от галлов бежали и скрылись в лесу; отмечались 19 и 21 июля.

– Идет.

Кассия Брошена в пасть льву

Словно окаменев, я уставилась на Белиала. На один краткий миг мне показалось, будто он решил мне помочь. На крошечный глупый миг, когда все вышло из-под контроля.

Танатос говорил, что у меня будет несколько недель, так как именно тогда Янус отмечал своих рабов. Он говорил, что после аукциона я просто должна затаиться. Он говорил, что чем меньше мне будут уделять внимания, тем свободней я смогу искать потайную комнату Януса.

Танатос ошибся.

Все пошло иначе, и у меня зародилось сильное подозрение, что присутствие светловолосого праймуса имело к этому какое-то отношение.

Я отчаянно старалась обуздать свою панику. Янус проник ко мне в голову. Еще чуть-чуть, и он бы обнаружил, что его попытки мной манипулировать были обречены на провал. Пусть демоны и могли толкать меня из стороны в сторону, ломать мои стены и питаться моими эмоциями, но ни один демон в мире не способен повлиять на мой разум. Я бы никогда не завещала Янусу душу, даже рискуя разрушить свое прикрытие. Даже если бы за это мне пришлось поплатиться собственной жизнью.

Такой судьбы мне сейчас удалось избежать. Пока. Зато я угодила в следующую неприятность и уже начинала задаваться вопросом, не слишком ли недооценивала свою задачу.

– Давай обсудим еще парочку условий, – сказал Белиал. Он опустошил свой кубок с вином и встал. Все в нем излучало естественное превосходство. Даже в зале, полном демонов, он двигался как король. – Чтобы у тебя не возникло искушения в ближайшие дни прятать от меня свою рабыню, я хочу, чтобы ты временно отдал ее на службу мне.

Возвышаясь перед Янусом, он высокомерно смотрел на него. Впрочем, более низкого праймуса не беспокоили ни рост Белиала, ни его уничижительный тон. Что мало меня удивляло, ведь я только что испытала на себе могущество Януса. Если бы пришлось выбирать, кто из этих двоих пугал меня сильнее, мой выбор, без сомнений, пал бы на темноволосого демона с коварной улыбкой и жестокими глазами.

– Согласен, – произнес Янус и задумчиво кивнул. – Но взамен я сотру Авроре память о нашей маленькой сделке. И у каждого из присутствующих здесь рабов, которые могут ей об этом сообщить. Пусть соревнование будет честным.

– Стирай, если очень хочется, – равнодушно бросил Белиал.

– Само собой, я также ожидаю, что ты сам ничего не расскажешь Авроре и не сделаешь это через кого-то еще.

Белиал закатил глаза, как будто и не нуждался в подобных трюках.

– Даю слово, если ты, в свою очередь, поклянешься с сегодняшнего вечера больше не вторгаться в ее сознание и не пробовать повлиять на нее с помощью физического насилия или угроз насилием – как ты лично, так и кто-то другой по твоему указанию.

– Я бы никогда так не поступил, – с издевкой заверил Янус. – Пока ты не обманешь, я тоже не буду. Даю тебе свое слово.

На этом они оба, похоже, договорились. Внезапно я опять почувствовала демоническую энергию, от которой воздух пошел рябью. Холодные пальцы из крови и дыма пробрались, минуя стены, ко мне в мысли. По ощущениям казалось, будто кто-то ковырялся в моей плоти раскаленными клинками. В тот же момент Тигеллин поднял меня на ноги. Настойчивое желание отпихнуть его и просто убежать прочь охватило меня с такой силой, что стало трудно дышать. Я не хотела, чтобы Янус вновь вторгнулся в мою голову. Что, если на этот раз он что-нибудь поймет? Например, что у него не получилось лишить меня воспоминаний...

Пульс пустился вскачь, когда голос Януса в моем разуме сформировался в четкий приказ: «Забудь, что происходило с того мгновения, как впервые прозвучало имя Аврора».

О нет, как прикинуться перед демоном, что что-то забыла? Он перепроверит результат внушения? Сможет отследить у меня в сознании, как подействует его сила? Или, наоборот, не подействует?..

Незаметно я покосилась на остальных рабов, в чьих головах Янус, судя по всему, тоже покопался. И успела как раз вовремя, чтобы увидеть, как их глаза остекленели, а сами они попадали на пол. Быстро симитировав то же самое, я определенно поступила правильно, потому что Тигеллин ожидал моего обморока. Он поймал меня и сразу закинул к себе на плечо. Это оказалось больнее, чем я себе представляла, тем более что нельзя было напрягать ни одну мышцу, чтобы хоть немного смягчить грубое обращение. Ко всему прочему, от солдата мерзко несло потом и вином. Но, несмотря ни на что, я явно хорошо отыграла свою роль, чтобы больше никто не обращал на меня внимание. Теперь надо только контролировать дыхание, сердцебиение, тошноту и, главное, чувства. Все-таки люди без сознания, как правило, не испытывают никаких эмоций.

Тигеллин пошел вперед, пока кто-то другой радостно захлопал в ладоши.

– Чудесно, значит, мы все снова увидимся через пять дней, – раздался женский голос. – Мне так интересно, как будет играть Белиал.

– Как и каждому из нас, – долетели до меня слова Януса, а потом мы покинули зал.

В течение некоторого времени были слышны лишь шаги префекта по мраморному полу. Его плечо болезненно вдавливалось мне в живот. И когда я уже думала, что не смогу больше изображать потерю сознания, скрипнула тяжелая дверь. Вскоре после этого меня положили на твердую поверхность, напоминавшую прохладное дерево. Затем звук сапог Тигеллина вновь отдалился.

На меня обрушился поток холодной воды. Я вздрогнула всем телом, захлебнулась, закашлялась и устала прямо в лицо старой рабыни. Когда-то она наверняка была красавицей, однако жизнь оставила на ее коже глубокие морщины.

– Я Марцелла. Раздевайся!

Женщина развернулась и вышла из помещения без окон. Вместо нее прибежали две девушки, которых, похоже, не смутило мое замешательство. Не говоря ни слова, они подняли

меня и раздели. Потом натерли пастой из масла и золы и наконец снова сняли всю смесь металлическими скребками.

– Это очищает кожу и делает ее более мягкой, – прошептала мне одна из них.

Вторая укоризненно посмотрела на нее. Наверное, им обеим не разрешалось разговаривать.

– Мне всегда казалось, что хуже всего, когда не знаешь, что тебя ожидает, – тихо продолжила первая. И хотя ее запуганный взгляд постоянно обращался к двери, она все же смогла ободряюще мне подмигнуть.

– Спасибо, – выдохнула я. Девушка коротко кивнула и вернулась к своему изначальному молчанию.

Полностью очищенную, меня отвели в соседнюю комнату, где Марцелла уже выливали ароматическое масло в небольшую каменную ванну. Времени на объяснения она не тратила и грубо толкнула меня в воду. Там одна из девушек обстоятельно меня вымыла, пока более милая из них распустила мою растрепавшуюся прическу и расчесала мне волосы. После всех мучений, которые пережила за сегодня, я позволила себе на миг прикрыть глаза. За мной ухаживали как за благородной дамой, хотя чувствовала я себя так, словно меня вот-вот бросят на съедение львам. Точнее, *льву*. Светловолосому демоническому льву.

Могло быть и хуже. Еще ничего не потеряно, и ситуация еще может обернуться в мою пользу. Уверена, Белиал приложит все усилия, чтобы я подарила ему свою душу. Значит, он будет добиваться моего расположения и, вероятно, даст определенную свободу. Кроме того, в этом дворце он только гость. И не будет знать, где мне разрешено находиться, а где – нет. Это определенно должно помочь. Итак, пять дней. Если не считать сегодня и принять во внимание, что Лукарии начнутся уже на рассвете пятого дня, то у меня оставалось не так много времени, чтобы...

Что-то не так. Девушки прекратили купать меня и причесывать. Я настолько устала, что не заметила, как они ушли? Распахнув глаза, я замерла.

Возле каменной ванны сидел Янус. Одну руку он положил на бортик и поигрывал пальцами по поверхности воды.

У меня кровь застыла в жилах. Я оказалась одна с Янусом, *Ужасом Рима*, убийцей Дафны. Его взгляд пронзал меня насквозь. Несколько бесконечных мгновений слышались лишь тихий плеск воды и мое дрожащее дыхание. Больше всего хотелось съежиться, подтянуть колени к груди, но страх, что Янус тоже пошевелится, был больше.

– Я временно определю тебя в услужение к Белиалу, – сообщил он мне так неожиданно, что я вздрогнула. – Тебе это имя ничего не скажет, хотя по ту сторону Средиземного моря он известен как *черт* – источник всего зла. Дьявол.

Мысли путались. Янус полагал, что я забыла о его сделке с Белиалом. Это означало, что мне нужно притвориться потрясенной. И испуганной из-за репутации Белиала. В моей нынешней ситуации – проще простого.

– Естественно, ты будешь делать все, что он потребует, разве что не предашь тем самым меня. Понятно?

Я кивнула, после чего Янус подался вперед и неприятно приблизился к моему лицу. Настолько, что мне показалось, будто я увидела демона в глубине его карих глаз.

– Я бы с радостью избавил тебя от подобного знакомства с Белиалом, – с великодушием в голосе прошептал он, – но пока твоя душа не принадлежит мне, я не могу взять тебя под свою защиту.

Вот урод! Он действительно держал меня за полную идиотку, которая клонет на его вранье?!

– Однако если ты отдашь мне свою душу, – добавил он, поглаживая меня по щеке, – то я мог бы уберечь тебя от дьявола и его зла!

Невольно я отвернула голову в сторону, чтобы избежать его прикосновений. Янус воспринял это – и правильно сделал – как ответ. Тем не менее отреагировал совершенно не так, как я ожидала. Он улыбнулся.

– Ценю женщин, которые сохраняют свою гордость, поэтому позволь мне помочь тебе, пока Белиал ее не сломил.

Его слова звучали соблазнительно, и я потихоньку начинала понимать, почему так много людей следовало за этим демоном и безо всякого внушения. Я к их числу не принадлежала, даже если бы мне не довелось недавно узнать на собственном опыте, на что он способен. Таким, как он, ни за что нельзя доверять. Это доказывалось хотя бы тем, что уже сейчас он старался обмануть Белиала, при том что меньше часа назад клялся в обратном. Типичный демон.

– Итак? – дружелюбно осведомился Янус.

Собрав в кулак все свое мужество, я посмотрела прямо в его хитрое лицо.

– Моя душа принадлежит мне.

Янус удерживал мой взгляд. У него в глазах полыхал гнев, но ухмылка стала немного шире.

– Хорошо, – ответил он и встал. – Только не забывай об этом!

Не проронив больше ни слова, он отвернулся и удалился.

Стоило ему уйти, как с меня спало напряжение. Меня затрясло, я не могла ни пошевелиться, ни отвести взгляд от двери. Глаза наполнились слезами. Плохой знак, предостерег тихий внутренний голос. Это состояние давно мне знакомо. Так случалось всегда, когда я пыталась подавить больше чувств, чем могла контролировать. Мои стены прочны, но и у них есть предел. Если не хочу рисковать и сорваться, то теоретически должна что-то предпринять. Практически же это неподходящее место, чтобы перестать контролировать себя и поддаться эмоциям. Так что не оставалось ничего иного, кроме как держаться.

В какой-то момент вернулись другие рабыни. Пока они помогали мне вылезти из ванны, вытирали и одевали, я ругала саму себя за свою слабость. Только если сохраню трезвый рас­судок, сумею – будучи обычным человеком – свергнуть Януса. И выжить.

Эта мысль помогла стерпеть несколько неприятных моментов, например тяжелый железный обруч, который надели мне на шею. Отныне он будет отмечать меня как рабыню. Или тот факт, что Марцелла подобрала мне платье, тонкая ткань которого демонстрировала больше, чем скрывала.

После того как старая рабыня объявила, что ее работа закончена, Тигеллин повел меня в самое сердце императорского дворца. Между тем наступила ночь, в атриумах и садах громко стрекотали цикады. Несмотря на скудное освещение, меня шокировала царившая здесь мону­ментальная роскошь. Я старалась как можно точнее запомнить все покрытые росписью про­ходы, богато украшенные двери и разветвления – прежде всего там, где ощущала демониче­скую энергию. Особенно бросалось в глаза одно место: фреска, на которую была наложена такая мощная иллюзия, что воздух вокруг нее буквально вибрировал. Нормальные люди не заметили бы эту нестыковку, однако благодаря своему иммунитету я видела мрачный коридор, начинавшийся за ней. Тут поищу в первую очередь, как только появится возможность.

Пройдя еще один зал с колоннами и два раза свернув, префект остановился и постучал в дверь. Разрешения дожидаться не стал, а просто открыл ее, втолкнул меня в темноту и снова захлопнул. Как будто там таилось нечто, с чем он бы предпочел не встречаться. Все мои чув­ства обострились до предела. Только что я пересекла мощные охранные чары и теперь явно находилась в личных покоях. С наибольшей вероятностью они принадлежали демону, который планировал разрушить мою жизнь на спор.

Максимально тихо я пошла к мерцающему свету в конце темного прохода. Слышались приглушенные голоса, окруженные тяжелым сладким запахом. Они умолкли, когда я шагнула в комнату внушительных размеров с тремя темно-красными стенами. Четвертую заменяли мас-

сивные колонны. За ними находился залитый лунным светом сад. Остальной свет исходил от нескольких жаровен. Языки пламени освещали богатую мебель, дорогие ткани и трех человек, сидящих на позолоченных кушетках. Одним из них был демон-блондин, от которого зависела моя судьба. Двух других Янус называл его телохранителями: воина в странной одежде и невысокую коренастую женщину с рыжими волосами и хмурым выражением лица. Я понятия не имела, зачем такому могущественному демону, как Белиал, понадобились телохранители, но это не делало его приятнее.

Все трое уставились на меня как на дурное предзнаменование, внезапно прервавшее их разговор. Затем телохранители вдруг поднялись и вышли, словно подчиняясь некому приказу. А меня охватило непреодолимое желание их удержать, потому что я не хотела оставаться один на один с их хозяином. Но я промолчала.

И Белиал тоже молчал – пока остальные не вышли и еще долго после этого. Его бирюзовые глаза оценивали меня как предмет искусства, насчет которого он не был уверен, нравится тот ему или нет. С каждым мгновением я чувствовала себя все более неудобно. Белиал не переоделся и не оделся. Вид обнаженного торса, как правило, не выбивал меня из колеи, однако здесь, в такой приватной атмосфере, это почему-то казалось интимным. В тот же миг я осознала, что сама одета не более чем в кусок полупрозрачной ткани, которая будто полностью испарилась от такого откровенного разглядывания демона. Я потеряла руки, словно мне холодно, и как можно незаметнее попыталась хоть чуть-чуть прикрыться. Впрочем, это мало помогало против настойчивых взглядов Белиала. Чтобы на них не отвечать, я начала рассматривать расписной пол, еду на столе, занавес в дальней части комнаты, широкую кровать... Нет, плохая идея, и она только наведет на неправильные мысли. Судорожно отведя глаза, я заметила, как на губах Белиала расцвела насмешливая улыбка. Похоже, он наверняка знал, что творилось у меня в голове.

Я неловко откашлялась. Мне было известно, что рабам обычно разрешалось говорить лишь тогда, когда от них этого требовали, но дольше эту обжигающую тишину я выносить не могла.

– Янус передал меня тебе в услужение.

Улыбка Белиала превратилась в ухмылку:

– Я знаю.

Как будто этим все сказано, он взял жареную куриную ножку, откусил от нее и с удовольствием продолжил свою оценку. Только после того, как от его добычи остались одни косточки, он сжалился и сам нарушил установившуюся тишину.

– Как тебя зовут?

– Аврора.

Издав недовольный звук, он кинул кости обратно на поднос.

– Я имею в виду не то имя, которое дал тебе Янус. Как называли тебя родители?

Этот вопрос меня удивил. При нормальных обстоятельствах никто обычно не интересовался прошлым рабов. С другой стороны, логично, что Белиал хотел собрать информацию, ведь он, как-никак, собирался расположить меня к себе. Ну, это его желание я исполнить не смогу. Мое имя относилось к моему свободному «я». Ни Белиал, ни Янус, ни кто-либо еще в этом дворце никогда его не произнесут.

Я плотно сжала губы, тем самым ясно показывая, что ему долго придется ждать ответа.

Белиал вздохнул. Потом он встал и направился ко мне. Его движения были плавными, и я невольно вспомнила о льве, к которому меня бросили на съедение. Даже будь Белиал обыкновенным человеком, меня бы напугало его мускулистое тело, однако от ауры силы, окружавшей демона, мое сердце пустилось вскачь, как у кролика. С каждым шагом, который приближал его ко мне, возрастало желание от него отпрянуть.

– Ты меня боишься? – спросил он бархатным голосом.

Бессмысленно перед ним притворяться, так что я сглотнула ком в горле и ответила:

– Да.

– Умно. – Он встал передо мной и скрестил руки на голой груди. Свет от чаш с огнем танцевал на его коже, придавая ей золотистое сияние. – Намного умнее твоего поведения на аукционе.

Я тихо хмыкнула, прежде чем успела сама себя одернуть. И прикусила язык. Роль рабыни мне просто не подходила, и если не буду внимательна, то разрушу все своим сарказмом.

– Скажи, о чем ты сейчас подумала! – холодно потребовал демон.

Ну вот, пожалуйста. Получите.

– Прошу прощения, – прошептала я с таким смирением, которое только сумела изобразить. – У меня нет права.

Белиал приподнял пальцем мой подбородок, вынуждая взглянуть на него. Его прикосновение оказалось мягким. Чуть ли не вежливым. Я неохотно подчинилась и впервые посмотрела прямо ему в лицо. Лицо, которое благодаря своим выразительным чертам было словно создано соблазнять, ослеплять и покорять. Идеальный образ мужской красоты и тем не менее всего лишь прекрасная маска, скрывающая его истинную природу. Сколько бы усилий ни прикладывал Белиал при выборе притягательной оболочки, его выдавали глаза: он – демон, видевший вечность. Собственно, я к этому готовилась, и все же от взгляда Белиала перехватило дыхание. Я утонула в глубоких озерах древней аквамариново-голубой воды. Их обрамляли изогнутые ресницы, а на дне мерцала мудрость веков и жестокость бессмертия.

– Мне решать, что ты вправе делать, а что – нет, – заявил он. – И я выражаю желание, чтобы ты поделилась со мной своими мыслями.

Я подумывала солгать и дальше прикидываться покорной, но внезапно забыла, как это делается. Инстинктивно цепляясь за все, что сняло бы с меня невыносимое ощущение беспомощности. А сюда, среди прочего, относился мой острый язычок. Если он *выразил желание* услышать правду, то он ее получит.

– Ты на аукционе тоже рассудительностью не блистал, – пробормотала я.

Очень медленно уголки его рта поползли вверх, пока строгие линии поразительным образом вдруг не стерлись двумя ямочками. Затем его губы раскрылись, и он рассмеялся.

– А ты права, безымянная девушка, – забавляясь, произнес он, – но я не рисковал своей жизнью.

Его критика меня разозлила, поскольку я чересчур хорошо знала, как выжить в этом мире. Спровоцировать демонов на рынке было намерением, а не глупостью. Однако ему этого, разумеется, говорить нельзя.

– Каким же все кажется легким, когда не можешь умереть, – проворчала я. Пусть не позволяет себе судить о вещах, в которых ничего не понимал.

– Не будь я бессмертен, – откликнулся Белиал, отпуская мой подбородок, – в любом случае осмотрительнее обращался бы с собственной жизнью.

– Важно не *как долго* ты живешь, важно *как*, – упрямо ответила я.

Это заставило демона замолчать. Неожиданно он посмотрел на меня с таким непостижимым выражением лица, что я снова вспомнила, где находилась и с кем разговаривала. Надо вести себя осторожнее!

Белиал сделал шаг ко мне, и его грудь едва заметно коснулась моего плеча. Тепло, которое излучало его сильное тело, вызывало у меня мурашки.

– Значит, ты правда лучше умрешь, чем откажешься от своей гордости?

Я сглотнула. Его терпеливый тон озадачил меня не меньше, чем тот факт, что его близость ощущалась не так неприятно, как на самом деле должна бы. Как у него это получалось?

– А что, если так? – процедила я, в ярости от того, что инстинкты меня подводили. – Это будет вызовом для демона внутри тебя?

От его тихого смеха по спине разлилась волна покаяния. Белиал наклонился ко мне, так что его губы оказались прямо возле моего уха.

– Ты себе даже не представляешь.

Белиал Загнан в угол

Если я и чувствовал вызов... то не такого рода, как она опасалась. Я не хотел сломить ее гордость. Я хотел завоевать ее, завладеть ею. Хотел попробовать ее на вкус. Хотел испробовать вкус *всех* ее эмоций.

Эта девушка была удивительно обаятельным ходячим противоречием. Она боялась, что я нападу на нее, как дикий зверь, и тем не менее давала мне отпор. Она разыгрывала подчинение, однако стоило мне совсем немного ее спровоцировать, вспыхивали неукротимая сила и острый, как лезвие, ум. А за ними, в свою очередь, крылась хрупкость, в которой, уверен, она никогда себе не признается. Таились ли еще глубже другие секреты? Я улыбнулся. Увидим...

Очень аккуратно я усилил мужские ароматы, которые исходили от моего тела. Многие праймусы, пока носили свои оболочки, упустили из виду эту незначительную деталь и концентрировались исключительно на свойствах запаха собственной демонической сущности. Но я питал слабость к чувственным ароматам всех видов и за многие века отточил до идеала умение использовать феромоны.

Щеки девушки покраснели. Грудь поднималась и опускалась быстрее, чем прежде. Это был всего лишь тест. Смутное предположение, которое неожиданно подтвердилось.

Так очевидно, так легко.

Крайне редко женщины так интенсивно реагировали на мой маленький трюк. Для этого нужно заранее испытывать сильное влечение – даже если его так решительно отрицали, как это прямо сейчас пыталась сделать моя прелестная гостья: брови упрямо сдвинуты, полные губы плотно сжаты... Противоречие между тем, что твердил ей разум, и тем, чего требовало тело, наверняка выбивало ее из колеи. С чисто рациональной точки зрения я для нее – опасность, возможно, даже враг. И все же...

Кто бы мог подумать? Это делало мою задачу несравненно легче. И приятнее. Соблазнение через страсть – одна из моих любимых стратегий. Я снизил свой запах до нормального уровня, потому что знал, что пока нельзя слишком торопиться. Моя цель – не заташить ее в постель, а завоевать достаточно доверия, чтобы получить возможность забрать ее душу. Если

не буду при этом принимать во внимание ее гордость, то рано или поздно это выйдет мне боком. Нет, это должно быть ее решение. Она должна меня захотеть. И я уже с нетерпением ждал, когда с удовольствием исполню ее желание.

– Ты голодна? – внезапно спросил я. И, отойдя от нее, вернулся на свое место. Чем меньше она будет воспринимать меня как угрозу, тем быстрее сделает шаг мне навстречу.

Как и ожидалось, ответа я не получил. Юная рабыня продолжала крепко обнимать себя за плечи и смотрела на меня большими смущенными полночно-синими глазами. Я еле удержался от ухмылки. Знай эта девушка, что застенчивость, с которой она старалась прикрыться, привлекала меня гораздо больше, чем безвкусное платье, в которое ее вырядили, то, наверно, в панике убежала бы прочь.

Что ж, ладно, еще одна попытка.

– Садись и съешь что-нибудь! – прямой приказ даст ей возможность сохранить лицо. И действительно, мое требование сотворило чудо. Ненадолго замешкавшись, она опустилась на кушетку слева от меня. Потом отвела назад длинные темные волосы, взяла кусок хлеба и откусила. Когда ее мягкие губы сомкнулись на корочке, я поймал себя на том, что мои мысли поплыли куда-то в сторону. Меня терзал вопрос, были ли эти губы такими же сладкими на вкус, как выглядели. И окажутся ли такими же бархатными и теплыми, как я себе представлял. Образ ее рта на моей коже завораживал настолько сильно, что я буквально не мог отвести взгляд.

– Как давно ты стала рабыней? – спросил я, потому что хотел, чтобы ее губы раскрывались для меня.

Она проглотила кусок хлеба и сдержанно ответила:

– Не помню.

Ложь. Человек с ее смелостью и взглядами определенно провел большую часть своей жизни на свободе.

– Хмм, итак, девушка без имени и памяти... – я долил себе вина и наполнил вторую чашу. – Это... необычно.

После того как я протянул ей вино, она сначала недоверчиво взглянула на меня, а затем на чашу.

– Не более необычно, чем демон, ухаживающий за рабыней.

Я расплылся в улыбке:

– Во мне нет ничего обычного.

Это окончательно сбilo ее с толку. Она озадаченно моргнула, глядя на меня. В этот миг я заплатил бы целое состояние, чтобы прочесть ее мысли. В итоге она, кажется, собралась что-то сказать, но передумала и приняла чашу. Причем внимательно следила, чтобы наши пальцы не соприкоснулись. Затем понюхала вино, помедлила и отпила. Всего один глоток. Видимо, хотела сохранить ясную голову.

– Значит, ты служила Лукусте, – возобновил я свой маленький допрос и поудобнее устроился на подушках. Все праймусы хотя бы однажды слышали о старой колдунье Лукусте, известной прежде всего благодаря ее зельям и ядам. – Какие задания она тебе поручала?

Тут же в меня вонзился тот самый злобный взгляд.

– Я не занималась для нее проституцией, если ты об этом!

Ах, верно. Мне смутно помнилось, что Лукуста была отмеченной Венеры – эта весьма раздражающая праймус превратила почти все свои храмы в публичные дома. Что объясняло бурную реакцию молодой рабыни. Она думала, что я считал ее проституткой, и четко дала понять, что ее честь не продается.

– И тем не менее ты уже не девственница, – заметил я.

На самом деле я ни капли не сомневался, что сейчас получу следующий гневный взгляд, однако вместо этого у нее в ужасе расширились глаза. Похоже, она сообразила, в какое пикантное направление повернула нашу беседу.

– С чего ты взял? – огрызнулась она на меня.

Я весело пожал плечами:

– Опыт.

Неприятный опыт, если быть точнее. Девственницы почти всегда означали неприятности. Либо я отпугивал их тем, чего ожидал от хороших любовных утех, либо они отпугивали меня тем, что ожидали от меня верности. Кроме того, у большинства из них были вспыльчивые отцы, такие же неуравновешенные братья или матери-истерички, которые любили нанимать надоедливых колдунов, чтобы спасти честь дочерей. Нет, спасибо. К этому времени я научился распознавать девственниц за три мили против ветра и обходить их по широкой дуге. В некоторых странах этот факт приобрел такую известность, что люди пытались изгонять меня кровью девственниц. Смешно, но характерно для человеческой глупости.

Впрочем, эта девушка вела себя не так, как я бы ожидал от девственницы. Она не мыслила как девственница и уж точно не была настолько неопытна.

– Так кто счастливчик? – полюбопытствовал я.

Щелк, и вот он, опять этот прелестный злобный взгляд.

– Тебя это не касается! – прошипела она и сделала глоток вина – не от жадности, а чтобы скрыть то, что проступало под ее упрямством. Печаль? Ярость?

Во мне проснулось любопытство и настойчиво требовало новых ответов, но я чувствовал, что сегодня достиг предела. Девчонка многое пережила, и у нее все равно уже слипались глаза. От такой усталости она даже упустила тот факт, что на протяжении какого-то времени общалась не как послушная рабыня. Я расценил это как первый успех и решил завершить вечер, пока она полностью от меня не закрылась. Поэтому поставил свою чашу на стол и поднялся.

– А теперь я иду спать, – сообщил ей я. – Завтра дам тебе знать, что ты будешь для меня делать.

Удивленная и слегка растерянная, девушка тоже встала. Кажется, она не имела ни малейшего понятия, что от нее требовалось. Ее смущение привлекало меня почти так же, как и гордая строптивость. И не в силах устоять перед искушением, я сладко потянулся, позаботившись о том, чтобы от нее не укрылись все достоинства моего тела.

С ярко-алыми щеками она уставилась в пол. Мило.

– Когда мне возвращаться? – тихо осведомилась она.

– Никогда. Потому что спать ты будешь здесь, чтобы быть рядом, на случай если понадобишься мне.

На этом я ее оставил и прошествовал к своей кровати. На этот раз идея не отпускать ее отсюда не имела ничего общего с планами по соблазнению – хотя и не повредит им. В действительности речь шла о том, чтобы держать в строгих рамках влияние Януса на его рабыню. Пять дней не такой уж большой срок, и наш дорогой хозяин наверняка уже задумывался, как бы помешать мне победить. Есть клятва или нет, если я не буду бдителен, он найдет способ меня обмануть.

– Где? – крикнула мне вслед девушка. Как бы она ни старалась придать голосу спокойствия, в нем все равно проскальзывал шок.

– Где хочешь, – засмеялся я и демонстративно завалился в постель, в которой хватило бы места четверым. Естественно, она не примет мое приглашение, поэтому я сократил ее страдания и небрежным жестом погасил жаровни. После чего откинулся на подушки и вслушался в темноту.

Тишина. Только бешеный стук человеческого сердца. Видимо, нынешняя ситуация совершенно ошеломила мою прекрасную гостью. Поначалу она просто стояла на месте и не шевелилась. Потом внезапно раздался шорох ее платья. Приглушенный звон посуды. Жевание. Девушка прибиралась и при этом что-то ела. Хорошо. Мне понравилось, что она хотела оставаться полной сил. Они могли ей понадобиться. В конце концов вновь воцарилась тишина. Я

готов был поспорить на что угодно, что сейчас она в нерешительности смотрела на меня и мягкую постель. Негромкие шаги. Рабыня шла к двери. Колебание. Ослушается моего приказа?

Разозлившись, я покинул свою оболочку и полетел сквозь разорванные лунным светом тени. Девушка правда замерла перед коридором, который вел к выходу из моих покоев. Однако она не выглядела так, будто взвешивала возможность побега. Суровое выражение лица создавало скорее такое впечатление, как если бы ей вот-вот предстояло встретиться с заклятым врагом – и врагом этим, как ни странно, был не я. Она задумчиво покусывала нижнюю губу. Затем словно приняла какое-то решение и уверенно направилась обратно к столу. Но через пару шагов застыла и в ужасе уставилась на меня. Нет, сквозь меня, все-таки заметить мою сущность она не способна. Ее пульс участился. Что бы она ни увидела или ни услышала, это ее напугало. Девушка попятилась назад до самого дальнего угла комнаты. Там сползла по стене на пол и обхватила руками колени. Я с любопытством последовал за ней. Мне хотелось знать, что внушило ей такой страх. Однако теперь от него у нее на лице не осталось и следа. Упрямо и почти немного обиженно она бросила быстрый взгляд в сторону кровати, как будто та могла вспыхнуть пламенем по одному лишь ее желанию. Даже после того, как утомление наконец взяло верх и у нее стали закрываться глаза, раз за разом она встряхивалась и заново начинала битву со сном. Битву, в которой ей не выиграть. В какой-то момент ее голова облокотилась о стену. Дыхание и сердцебиение успокоились, а непримиримое выражение лица разгладилось. Она уснула.

Я быстро вернулся в тело и поднялся. Не знай я наверняка, мог бы поклясться, что она увидела мою сущность. Но это невозможно. Хотя это обстоятельство не делало девушку менее загадочной.

С одним из своих одеял в руках я бесшумно пересек покои. Ее скорченная фигурка выглядела очень хрупкой, и тем не менее в ней жил настолько сильный дух, что даже сейчас не ощущалось ни единого отголоска ее чувств. Чтобы поддерживать такой защитный барьер еще и во сне, ей надо было работать над ним годами. Что заставляло такого юного человека это делать? Я выясню. И рано или поздно испробую те невероятные эмоции, которые она так отчаянно оберегала. Когда Янус разрушил ее стены, на мою долю перепала маленькая затравка. Как жаль, что большая часть была адресована не мне. Проклятие праймусов: мы способны питаться лишь теми чувствами, причиной которых послужили сами.

Очень стараясь не разбудить, я укрыл одеялом ее миниатюрное тело. При других обстоятельствах я бы просто перенес ее в кровать. Мне она в любом случае не нужна, так как спал я довольно редко и определенно не планировал начинать делать это в доме у Януса. Но за это она выцарапает мне глаза. Либо сразу, либо завтра утром. Или то и другое. Поэтому я оставил спящую девушку одну и вышел в сад, прилегающий к моим покоям.

«Хиро?» – мысленно обратился я к своему охраннику.

Тот мгновенно ответил мне по нашей связи:

«Да?»

«Я хочу, чтобы ты собрал сведения об этой девчонке. Начни с работорговца из пещер, а потом переходи к верховной жрице Лукусте из храма Венеры у Коллинских ворот. Но будь осторожен, она колдунья».

Хиро обошелся бы и без последнего предостережения. Он всегда осторожен. Помимо прочего, он обладал несравненным талантом к скрытому наблюдению. Именно то, в чем я сейчас и нуждался.

«Срок?» – уточнил он.

«Как можно скорее».

Не сомневаясь, что Хиро уже приступил к выполнению задания, я мог спокойно сосредоточиться на плане Б. Между тем я уже прошел через весь сад и оказался перед граничащими с ним покоями моих спутников. Стучаться необязательно. Я просто ментально предупредил

Гримхильду о своем визите. Ее дверь распахнулась сама по себе, приглашая меня в уютную комнату с охряной росписью на стенах. Моя отмеченная сидела за столом и корпела над листом пергамента.

– Над чем трудишься? – поинтересовался я, после чего занял стул напротив нее.

Грим подняла голову и укоризненно сморщила нос. Очевидно, ей до сих пор не особенно хотелось со мной разговаривать. Затем она взяла в руки пергамент и зачитала:

– Двенадцать демонов разгневала отважная Аврора,
Благословенной смерти уж в лицо смотрела, не моргая.
Тогда тринадцатый явился, и пощадить ее желал он,
Тем самым на страшнейшую из судеб обрекая.

Кошмарные рифмы превосходила только жуткая патетичность их создательницы. Я едва не скривился, как будто откусил лимон, но сдержался. Гримхильда не очень хорошо воспринимала критику. Кроме того, я бы никогда не осмелился отговаривать ее от литературной деятельности. Грим нуждалась в ней как в компенсации, когда впадала в ярость – а в ярость Грим впадала часто.

– Нравится? – с вызовом спросила она.

– Довольно... познавательное содержание, – откликнулся я. Не то чтобы мне требовался еще один упрек. До этого Грим и так более чем ясно выразилась, когда промывала мне мозги по поводу спора на невинную человеческую душу.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал я ей. – Ты должна сварить мне зелье Отосса.

Грим прищурилась и состроила осуждающее выражение лица. Когда она пришла ко мне на службу, мы установили четкие правила, касавшиеся ее участия в сомнительных с точки зрения морали действиях. Правила, которые я только что нарушил. Это единственная причина, почему я просил, а не требовал.

– Не говори, что великий Белиал боится проигрыша? Что, твое непреодолимое обаяние не сработало в соблазнении малышки?

Я закатил глаза. Иногда я просто не понимал эту женщину. Она вела войны, убивала сотни людей, у нее на глазах погибло все ее племя. Она сама постоянно советовала мне применять суровые наказания и вести себя жестоко. Однако время от времени у нее случались приступы милосердия, и Грим внимала голосу совести.

– Я не боюсь проигрыша, – отрезал я. – Но времени у меня мало, и я не знаю, какие препятствия Янус приготовит на моем пути.

– Говорила же, что этот спор – дерьмовая затея! – выругалась Грим, размахивая у меня перед носом писчим пером. – Все-таки это я много лет упорно тружусь, чтобы поднять твою репутацию на международный уровень. И стоило моим стараниям принести плоды, как ты позволяешь этому Янусу отнять у тебя центр твоей будущей мировой империи, только чтобы в конечном счете ПОСТАВИТЬ ВСЕ НА ПРОКЛЯТЫЙ СПОР.

Глубоко вздохнув, я попытался просто смириться с тем, что в своем агрессивном самохвальстве Гримхильда упустила несколько немаловажных деталей. Например, что усилия Грим по продвижению моего имени среди летописцев, поэтов и пророков оказались бы абсолютно бесполезны, не будь я так великолепен.

Я нетерпеливо выхватил у нее перо и смерил предупреждающим взглядом:

– Ты смешаешь мне зелье или нет?

– При одном условии.

– Каком? – пробурчал я.

Ведьма перегнулась через стол и отобрала у меня свое перо.

– Когда вернешь Мальту, – строго произнесла она, – ты освободишь душу этой девочки.

У меня вырвалось низкое рычание. Внутри бушевало дикое чувство собственности. Праймусы никогда не возвращали души, которые однажды отметили. Никогда.

– Ой-ой-ой! – отчитывала меня Грим как непослушного ребенка. – Вот только не надо строить из себя злого демона. У нас есть четкое соглашение. Так что если хочешь получить от меня отвар, то поклянись или больше никогда не задавай этот вопрос.

Мои мысли обратились к нежному существу, спрятавшемуся в углу у меня в комнате. Думать о том, что скоро я завладею ее душой, было... восхитительно. Но Мальта важнее. Права на риск нет. А так как я знал, что Грим не уступит, выбора у меня явно не оставалось.

– Клянусь.

Кассия Вдвоем веселее

Меня разбудил дневной свет. По углу, под которым солнечные лучи падали в сад, я поняла, что давно миновал полдень. Так поздно? Я судорожно огляделась по сторонам. Демона нигде не видно. Ни в кровати, ни где-либо еще. Ни в телесной форме, ни в бестелесной. По одеревеневшим мышцам разлилось облегчение. Слегка потянувшись, я поразилась, насколько крепко спала. Так крепко, что даже не помнила, откуда взялось одеяло, в которое я была укутана.

Наверное, от Белиала...

Я недовольно нахмурила брови. Он серьезно полагал, что мог повлиять на меня подобными жестами? После того как сначала запер меня в своих покоях, а потом шпионил за мной в виде сущности?

Белиал определенно отличался от Януса, более утонченный, манящий, но не менее опасный. Наоборот. Я боялась, что его непредсказуемость в ближайшие дни доставит мне кое-какие неприятности. Вчера он застал меня врасплох. Я готовилась к агрессивным угрозам или приторному вранью, но не к его обезоруживающей откровенности. Он не притворялся безобидным и не ожидал от меня фальшивого дружелюбия. Белиал как будто вызывал меня на поединок, где мне дозволялось установить правила. Это сбивало с толку – особенно потому, что я знала, как легко и опрометчиво обычно принимала вызовы. Так что придется быть еще осмоторительней, ведь это не игра, а суровая реальность.

Раздосадованная, я поднялась на ноги. У меня есть задание, а я и так потеряла слишком много времени, попав в руки Белиала. Поэтому отправилась исследовать опустевшие покои. Если белокурого демона правда там нет, мне, быть может, удастся улизнуть. В качестве отговорки использую остатки еды, которые вчера собрал...

Я осеклась. Посуда исчезла. Все кувшины были наполнены, а стол сиял чистотой. Когда это вообще произошло? Кто это сделал? Другие рабы? Сам Белиал? Его телохранители? И почему я тогда не проснулась, хотя спала прямо возле двери?

Тихо выругавшись, я отправилась на поиски нового предлога – чего-нибудь, что бы принесла, унесла или наполнила рабыня, не вызывая подозрений. При этом обнаружила неприметный проход, который вел в купальню, отделанную невероятно красивой плиткой. Мозаика с изображением рыб и прочих морских обитателей украшала стены, а квадратный бассейн посередине оказался настолько огромным, что в нем можно было даже плавать. Также тут имелись широкие зеркала из отполированного серебра, столики с кучей мыла, кремов и ароматических масел и отгороженное пространство с личной уборной. Это решило еще одну мою проблему. Я быстро воспользовалась неожиданной свободой, чтобы совершить утреннюю гигиену. А после того как облегчилась и умылась, нашла серебристую баночку с пастой из толченого древесного угля и различных трав. Идеально. Я почистила зубы, и ровно в тот момент, когда споласкивала рот, у входа раздали шаги. Я испуганно обернулась и... у меня глаза на лоб полезли. Зашел Белиал. Голый.

– Не беспокойся, – безучастно сказал он и шагнул в бассейн. – Можешь в любое время пользоваться всем, что здесь есть.

Он вел себя так, словно я должна чувствовать себя пойманной на месте преступления, при том что мое шокированное лицо относилось целиком и полностью к его внезапному появлению. Откуда он взялся так быстро, бесшумно и... в обнаженном виде? С учетом его растрепанных волос и сонного взгляда я могла бы поклясться, что он только что встал с постели. Хотя для этого ему требовалось бы спать в кровати. Демоны вообще спали? Без понятия.

Пока его весьма впечатляющее тело погружалось в воду, на губах Белиала заиграла озорная улыбка. О, он ничуть не сонный! Неужели пытался своим бесстыдством вывести меня из себя?

Ну что ж, ничем не могу помочь. Слишком долго проработала в храме Венеры, чтобы смущаться при виде голого мужского тела. Тем не менее мне показалось, что разумнее уйти. Возможно, он будет настолько увлечен приемом ванны, что у меня получитсялизнуть из покоев?

Я уже направлялась к выходу, когда голос Белиала меня остановил.

– Не так быстро, безымянная девушка!

Проклятье.

– Вчера ночью я поразмыслил, что ты могла бы для меня делать, – сообщил мне он. – Для первого раза будет достаточно, если ты потрешь мне спину.

Что?! Он же несерьезно!

Нет, серьезно, потому что в тот же миг мокрая мочалка ударила меня чуть ниже спины и с хлопаяющим звуком упала на пол.

Я раздраженно оглянулась и пронзила взглядом ухмыляющегося демона в бассейне. Существо с божественной силой. Он не НУЖДАЛСЯ в чьей-либо помощи, чтобы вымыть спину. Как же хотелось выцарапать с его лица эти самодовольные ямочки, но такое поведение вряд ли подходило безропотной рабыне. Кроме того, так я наверняка еще больше позабавлю Белиала. Поэтому, проглотив затаенную злобу, я подобрала мочалку. Потом взяла кусок мыла с одного из столов и собиралась опуститься на колени у края бассейна, однако Белиал исчез. Там, где он только что стоял, по воде расходились круги. Вскоре после этого голова демона показалась в центре бассейна. Он откинул волосы назад, вытер стекающую воду и выжидательно посмотрел на меня.

И что это означало? Веселая игра в догонялки?

– Боюсь, тебе придется прийти ко мне, – промурлыкал он.

Я сузила глаза. Придется? Господин мог бы просто потрудиться вернуться к бортику! Потому что я ни шага не сделаю в воду с голым демоном. От ярости ладонь с мочалкой сжалась в кулак. Ногти глубоко впились в мягкую ткань, а я представляла, что это причинное место Белиала. От демона это, конечно же, не укрылось. Он весело выгнул одну бровь.

– Можешь даже одежду не снимать, – разрешил мне он, как будто это огромная уступка с его стороны.

Мы сражались взглядами. Белиал, похоже, никуда не торопился. Через какое-то время истязание мочалки перестало помогать, а я начала подозревать, что этот поединок воли мне не выиграть. По крайней мере, не поставив под угрозу свою настоящую миссию. На самом деле я не думала, что Белиал мне навредит, все-таки он не мог себе позволить меня запугивать. Но ему определенно доставило бы удовольствие с помощью своей магии столкнуть меня в воду. Так что я решила сохранить остатки достоинства и просто-напросто игнорировать его провокации. С этого момента я буду воплощением невозмутимости. Послушно отыграю свою роль, потру ему спину и сэкономлю силы для более важных вещей. Хороший план.

С высоко поднятой головой я обошла бассейн, пока не оказалась перед лестницей. Там сняла сандалии и осмелилась сделать первый шаг в воду. Она приятным теплом сомкнулась вокруг моей щиколотки. При иных обстоятельствах я бы точно насладилась подобной ванной. Еще через четыре шага ступни коснулись дна бассейна. К сожалению, поскольку поверхность воды плескалась на уровне моей груди, позаботившись о том, чтобы влажная ткань платья облепила ее, как вторая кожа. Потрясающе. Я угрюмо скрестила руки перед грудью и старалась не подавать вида. И вооружившись таким образом, двинулась в сторону Белиала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.